

МАРИНА ЕФИМИНЮК

Выйти замуж за
ЗЛОДЕЯ

Марина Владимировна Ефиминюк

Выйти замуж за злодея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69208087

SelfPub; 2023

Аннотация

Найти респектабельного супруга? Для нимфы Лаэрли Астор – это вопрос жизни и смерти! И не беда, если на пути к замужеству появится обаятельный злодей с непристойным предложением. Ему нужна любовница и никаких обязательств! Какое занятное заблуждение...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Марина Ефиминюк

Выйти замуж за злодея

ПРОЛОГ

Соверен Гард, глава одной из семей-основателей Города десяти островов, крайне любил красивых женщин со сдержанными манерами, но с огненным темпераментом в постели. Однако благородные манеры и горячий нрав в одной женщине уживались удручающе редко, и к маленьким слабостям любовниц еще в юности он приучил себя относиться со снисхождением. Например, к желанию ярко продемонстрировать в дорогом доме мод, кто в этом самом доме хозяйка.

Спокойно прихлебывая кофе, Эмма битый час гоняла длинноногих бесцветных манекенщиц по залу показов – туда-сюда – сплошная суета и мельтешение. Соверен по большому счету плевать хотел, как любовница развлекалась, только невольно возникала парочка неделикатных вопросов: сколько в нее может поместиться кофе, и когда коварный напиток попросит ее покинуть зал показа? Мужчине оставалось ждать неизбежной развязки и, устроившись в глубоком кресле, просматривать бумаги по гостевому дому на острове Анадари.

– Как тебе это платье? – спросила у него Эмма особенным мягким голосом, мгновенно утратившим пронзительно-стервозные интонации.

Соверен поднял взгляд от документов. В нескольких шагах от него изображала неподвижный манекен темноволосая

девушка. И, боги, как же она была хороша собой! Абсолютно вся, от кончиков туфель, выглядывающих из-под чего-то длинного, до макушки, девушка, в жилах которой текла презренная кровь лесных нимф, созданий оглушительно красивых, непередаваемо расчетливых и умеющих виртуозно приспособливаться к жизни, отвечала его вкусу. Ее хотелось созерцать, *пробовать* и трогать. Последнее особенно.

С наигранно безразличным видом он опустил глаза к бутикам и тихо произнес:

– На тебе оно смотрелось бы лучше.

– Подлец, – довольно фыркнула Эмма и приказала хозяйке дома мод, ожидавшей приказа точно девчонка на побегушках: – Покажите что-то другое!

Он слушал, как легко стучали по паркету высокие каблуки, когда нимфа выходила в соседнее помещение, но не потрудился бросить вслед даже короткого взгляда. Пустая трата времени. Через месяц она все равно проснется в его постели. Он потерпит. Важное умение ждать Соверен Гард тоже воспитал в себе с юности.

ГЛАВА 1

Самое непристойное из предложений

*«Я соблазню ее. Очень быстро». Соверен Гард
«Требуется приличный муж! Срочно!» Лаэрли Астор*

Мне срочно нужен муж! Вот прямо сейчас. Вообще до конца месяца, но лучше немедленно. Готовенький и исключительно порядочный.

Эта удивительная в простоте мысль пришла ко мне, пока я, втягивая живот, втискивалась в узкое платье на размер меньше нужного, а белошвейка Мика, упрямо застегивая крючки на спине, бормотала:

– Главное, не дыши, Лаэрли! И не делай резких движений. Глубоко вздохнешь, и они отлетят.

Я оказалась настолько захвачена идеей о замужестве, что была готова нестись под венец в этом самом неудобном платье. Осталось только откуда-то супруга выкопать. Хотя выкопать – это к некромантам. Я же просто найду. Живого, дышащего и желательно знахаря из какой-нибудь крупной лечебницы.

Иначе маленькую Хэйзер, живущую в приюте «Солнечный ветер», отдадут в приемную семью на острове Эльба. Но

разве с чужими людьми девочке будет лучше, чем с родной теткой? На прошлой неделе мне исполнился двадцать один год, и теперь я имею законное право воспитывать Хэйзер!

Жаль, что этого права не признавала наставница приюта. Словно наяву я слышала неприятный скрипучий голос. «Вы молоды, Лаэрли, живете на центральном острове Города, работаете в доме мод. Не замужем». Если "легкомысленная финтифлюшка" появится перед старой каргой под руку с респектабельным супругом, то крыть будет нечем.

У меня даже дом на берегу речки имеется. Вокруг тишина, покой, свежий воздух – райские кущи для шестилетнего ребенка. Это вам не остров Эльба, где, куда ни плюнь, обязательно попадешь на ботинок богатея. К слову, надо бы проверить, не смыло ли особнячок, построенный еще дедом, в ту самую реку весенним паводком.

– Все! – вздохнула белошвейка. – Втиснулись!

Я бросила взгляд в зеркало. Алое платье выпячивало грудь, неприлично обтягивало бедра, а из глубокого разреза выглядывала голая нога. Пожалуй, рано я решила нестись галопом к алтарю в этом наряде. На улице меня загребут за разврат.

Самое неприятное, что цвет глаз, как и положено глазам порядочной нимфы, немедленно поменялся в тон наряда. Красными, конечно, радужки не стали, но отчетливо фиолетовым отдавать начали.

Что за проклятье? Крови лесного народа всего на поло-

винку, а неудобств, как на одну целую чистокровную нимфу! Хорошо волосы не начинают пестреть разноцветными прядками.

В соседнем помещении, где обычно проходили показы для особо любимых (читай – богатых) клиенток, прозвонил колокольчик. Меня вызывали. Обычно в демонстрации участвовали две или три девушки, но сегодня покупательница пожелала, чтобы наряды показывала именно я. Странное требование, учитывая, что клиентки дома моды страшно не любили ждать.

Плавной походкой я вышла в зал. Тяжелые портьеры на окнах были раскрыты и помещение заливал яркий дневной свет. Бросив рассеянный взгляд в сторону ряда кресел, куда обычно с превеликими почестями Арлис усаживала покупательниц, я отметила, что клиентка всего одна. И она это он. В смысле, мужчина.

В настороженной тишине зала по блестящему паркету стучали каблуки, а у меня в голове в бешеной круговерти неслись мысли. Раз решила выйти замуж, то завтра же обращусь к свахе. Происхождение у меня, мягко говоря, хромает на одну ногу, но привлекательная внешность нимфы, доставшаяся от папы, возможно, несколько компенсирует отсутствие приданого... и ссуду в монетном дворе.

– Вам нравится платье? – произнес мужчина тихим низким голосом.

Последовала долгая пауза. Неожиданно я поняла, что об-

ращались именно ко мне, и перевела удивленный взгляд с портьеры к непроницаемому лицу покупателя. Проклятье, я знала сидящего в кресле сноба! Хотя кто в Городе десяти островов не знал Соверена Гарда? Его имя и физиономия вечно мелькали в газетах.

Он смотрел с вежливым интересом.

– Как считаете, оно подойдет для ужина с женщиной?

Только если даму планируют не кормить, а немедленно от платья избавлять.

Конечно, вслух наряд не обругаешь, потому я глубоко-мысленно покосилась на Арлис. Нам вдалбливали, что никого не интересуют мнение вешалок в шкафу, и я была согласна со справедливым утверждением. А тут такой конфузец. Улыбка на карминовых губах хозяйки дома мод выглядела натянутой. Просто тонкая красная полоска, а не губы!

Арлис едва заметно кивнула, мол, не молчи, отвесь комплимент. Мне стало смешно.

– Оно превосходно подойдет для ужина с женщиной, – повторила слово в слово я за «дорогим» (вот уж бесспорно) клиентом.

На три долгие секунды мы скрестились взглядами. Точно три! Я посчитала.

У Соверена Гарда, темного мага в немыслимом поколении, были самые обычные светло-карие глаза. Ничего особенного. Не понимаю, почему люди, облеченные властью и нагруженные деньгами, кажутся многим привлекательнее,

чем они есть на самом деле. Особенно мужчины, не успевшие отрастить живот и не ступившие бравой походкой в кризис среднего возраста.

– Следующее, – спокойно выпроводил меня Гард.

Следующее он увидел через пять минут. Ровно столько потребовалось Мике, чтобы упаковать меня в еще один немыслимо узкий наряд с затянутой на спине шнуровкой. В нем не то чтобы дышать, двигаться было невозможно. Наверное, со стороны казалось, будто я проглотила кол. Зато какая осанка! Как бы еще ноги передвигать в этом... тубусе.

– Вам оно нравится? – красиво изогнул Соверен бровь.

Честное слово, выбирает как себе милому. А что? Арлис, не моргнув глазом, перекроит нарядец, чтобы подчеркнуть ширину мужских плеч, узость бедер и фигурность брюшного пресса. Если таковой имеется, конечно.

– Идеально для ужина с мужчиной, – сухо прокомментировала я.

– Следующее, – приказал он.

Следующее! И опять. Хорошо, пальцами не щелкал: подайте длинноногую нимфу в развратном наряде, благодарю – отвратительно, уберите нимфу, дайте еще и получите чайные.

Слово звучало и звучало. У меня появились веские основания полагать, что у Соверена Гарда имеются сложные проблемы со словарным запасом. Поди, каждый раз перед выступлениями речь по бумажке учит. В этом случае, ему сроч-

но требовался педагог по изящной словесности, а не покупка нового гардероба. Женского, прошу заметить. Но, как говорится, чем бы глава семьи-основателей не тешился, лишь бы не вводил налог за пользование мостовыми на острове Тэгу.

– Вам нравится это платье? – внимательно наблюдая за мной, в очередной раз спросил он. Надо отдать должное, что ниже ключиц мужской взгляд не опускался, хотя грудь почти вываливалась из соблазнительного выреза.

– Да, – ради разнообразия ответила я.

– Я рад.

Он совершенно неожиданно поднялся с кресла и застегнул пиджак, без колебаний заканчивая общие мучения. Арлис засеменила следом за Гардом, уверенно пошагавшим к выходу из зала демонстраций. Удивительно, столько просидел, а ноги не затекли.

– Подгоните платье по фигуре, – на ходу распорядился он. – Мой помощник заберет его вечером.

– Простите, господин Гард, но по чьей фигуре? – растерялась Арлис.

Он помедлил.

– Не по моей же. – Соверен бросил на меня последний взгляд, жаркий, жадный, заставлявший чувствовать себя голой. – Сделайте так, чтобы платье село на госпожу Астор.

Мужчина удалился. Хозяйка дома мод заторопилась следом, а я осталась в одиночестве посреди залитого солнцем зала демонстраций. Беспокойная мыслишка, возникшая в

голове, резко диссонировала с радужной фантазией о скором удочерении малышки Хэйзер и как-то исключительно неприятно возвращала в реальность. Откуда Соверен Гард знал, как меня зовут? А, главное, зачем ему узнавать мое имя?

До самого вечера белошвейки занимались подгонкой золотистого платья. Образец шили на бесцветную от природы нимфу Тамарин, чьи глаза и волосы идеально окрашивались под цвет одежды. В отличие от меня, лесные боги несколько обделили девицу формами (зато одарили дурным характером), работать приходилось суетливо, чтобы успеть к оговоренному часу.

Когда с перешивом закончили, за окном за вечерело. Солнце закатилось за черепичные крыши каменных зданий, а я, исколотая булавками, чувствовала себя игольной подушечкой. И если в начале примерки еще хотелось успеть к свахе, то к концу я мечтала доползти до любимого дивана и вытянуть ноги. Но сначала эти самые ноги, гудящие после долгого стояния на высоких каблуках, следовало доволочить до дома. Если помру по дороге, то выходить замуж и удочерять Хейзер будет просто некому.

В Городе десяти островов, соединенном мостами и водными переправами, уже неделю как наступил апрель. Снег сошел еще в конце зимы, в воздухе неуловимо ощущался ток пробуждения, но тепла не было. Ни до деревьев, ни до моего подсознания не доходило, что давно пришла весна. Нимфы –

существа исключительно теплолюбивые, как оранжерейные розы. Прежде чем выйти из помещения, я до носа замоталась вязаным шарфом.

Перед служебным входом в дом мод стояла незнакомая дорогая карета. В лошадах я ничего не понимала, но, подзреваю, пара тоже с родословной не подкачала. Наверняка потомки каких-нибудь элитных скакунов.

При моем появлении с козел прыгнул высокий плечистый парень (точно боевой маг элитной породы) и выразительно открыл дверцу в белый салон с красными сиденьями. Я так же выразительно пошагала мимо.

– Госпожа Астор? – позвал он.

– Вы ошиблись.

Понимаю, что девушки-нимфы зачастую являются ожившей иллюстрацией анекдотов о женской глупости, но зачем всех под одну гребенку-то расчесывать? Академий я не заканчивала, но уж как-то сумела запомнить мамины наставления, что нельзя садиться в незнакомые кареты, даже если поманили полосатым леденцом на палочке.

Тут мне и леденца не предложили, а все туда же: усаживайтесь в карету, госпожа Астор. Езжайте, мужчина, сами, куда там вам нужно, пока я не обернулась и в крепких выражениях не описала маршрут.

– Госпожа Астор! – перекрыл он мне дорогу. – Господин Гард приказал довести вас до дома.

Гард? Тот самый, что сейчас рассматривал меня как гово-

рящую куклу?

– До чьего?

– До вашего, конечно, – развел он руками.

То есть Соверен Гард не только имя узнал, но еще ад-реском озаботился? И за что же нимфе-полукровке оказана честь?

– И вы действительно рассчитываете это сделать? – поды-тожила я, красноречиво изогнув брови. Благо ростом я по-чти не уступала, так что излучала надменность точнень-ко в физиономию похитителя с покрасневшим от ледяного сквозняка носом.

– Да? – как-то неуверенно кивнул он.

– То есть всенепременно собираетесь усадить девушку в чужую карету? – уточнила я. – Даже если я буду кричать?

– Не надо кричать, – опешил он.

– А вы думаете, что я молча позволю себя похитить? – продолжала я притворяться полной дурой, чтобы уж точно добить мужика.

– Я не собираюсь вас похищать! Просто сопроводить до дома для сохранности.

– Сохранности чего? – мне стало смешно. – Шарфа, паль-то и сережек?

– Вашей... так сказать... внешней целостности... – Он сделал странный жест руками, словно очерчивая невидимый человеческий контур.

– Молодой человек, вы меня пугаете! Вы что, маньяк?

– Я охранник господина Гарда. У меня прик...

– Вот! – ткнула я в него пальцем с накрашенным алым цветом ноготком. – Все маньяки так говорят. Они сами ничего похищать не хотят, им всегда приказывает внутренний голос. Так что езжайте-ка со своим внутренним голосом к господину Гарду и передайте, что девушка самостоятельно добралась до дома в абсолютной целостности, как внешней, так и внутренней. Каблуков не сломала и тонкой душевной организации не попортила. Я как-нибудь доберусь. Идти недалеко.

До тихой улочки, где мы с Рутой снимали маленькую квартирку, надо было шкандыбалить три квартала в гору, но я лучше на карачках доползу, чем усядусь в карету незнакомого мужчины. Даже если он Соверен Гард. Что тоже весьма сомнительно.

– Удачного вечера, – кивнула я.

Он настолько изумился из-за тирады, которую, видимо, пытался переварить и тщательно усвоить, что отодвинулся с дороги:

– И вам, госпожа Астор.

Я удалилась отточенной легкой походкой манекенщицы. Главное, спрятаться за угол, а оттуда уже можно плестись к мостовой, чтобы, едва-едва передвигая ноги, поймать кеб.

Когда я переступила через порог квартирки, то почувствовала, что комнаты окутывает густой цветочный аромат, словно Рута разбила флакон своего любимого благовония.

Не успела я стянуть уличные туфли, как она выглянула из гостиной и быстро спросила:

– У тебя появился мужчина?

– К концу месяца обязательно заведу, – мрачно объявила я.

– Похоже, он решил завестись у тебя с сегодняшнего дня, – покачала Рута растрепанной головой.

– На кофе гадала? – любопытствовала я.

Подруга обладала светлым даром слышать растения и никогда в жизни не проявляла умения предсказывать будущее, разве что любила по вечерам гадать на кофейной гуще. Предсказания Руты тоже никогда, слава богу, не сбывались, а для того чтобы наврать с три короба, разглядывая изрезанное линиями дно чашки, вообще магический талант не требовался.

– А тут и гадать не надо, – пожала она плечами. – Сама посмотри.

Наша маленькая уютная гостиная с голубыми занавесками на окнах превратилась в поминальный зал! Служители покойницких тоже щедро украшали помещения цветами красного цвета. А наша комната пестрила алыми крупными розами. От их количества рябило в глазах, а запах, усиленный магией, вызывал желание дышать во влажный платочек, как при пожаре.

– Когда посыльные начали вносить эту оранжерею в дом, я даже растерялась, – поделилась Рута. – Роз не меньше ста

дюжин.

– Как для покойницы, – заключила я.

Народ на нашем родном острове Анадари страшно суеверен. Дарить людям четное количество цветов считалось дурной приметой, даже хуже, чем ходить по дому в уличной обуви, а уж грязные ботинки в гостиной – подчистую лишали хозяев денег.

– Между прочим, розы из питомника на Эльбе. Страшно представить, в какие деньги обошлись.

Рута работала в цветочной лавке на площади Гард, а потому прекрасно разбиралась в стоимости роз.

– Я попыталась прочесть карточку, но чуть без пальцев не осталась, – призналась подруга. – Если что, он темный. Только им приходит в голову поставить обжигающее заклятье на открытку.

Темных магов Рута не выносила с детства. Она никогда не рассказывала, из каких соображений светлая семья Шейрос переехала в квартал темных, но миниатюрная цветочная фея, похожая на эльфа, моментально стала мишенью для насмешек. Сколько мной лично было разбито носов за то, что их хозяева посмели обидеть подругу, не пересчитать!

В тринадцать лет все поменялось. Руту по-прежнему пытались дразнить, но у меня резко выросла грудь и необходимость в драках отпала. Теперь стоило вкрадчиво улыбнуться, как хулиганы коллективно покрывались красными пятнами, заикались и поспешно сбегали с поля боя.

Самое паршивое, что к двадцати одному году ситуация перевернулась с ног на голову: безопаснее махать кулаками или еще лучше туфлей с острой шпилькой, чем улыбаться.

Маленький конверт с карточкой я брала с опаской: вдруг ударит магическим разрядом? Но бумага оказалась шелковистой на ощупь и от прикосновения в воздух вылетели золотистые искры. Автор послания обладал твердым почерком без закорючек и писал исключительно лаконично: *«Вы были неотразимы»*.

Мужчина, приславший сто дюжин роз, не сомневался в том, что подпись не требуется. Он не ошибся. Перед мысленным взором немедленно всплыло надменное аристократическое лицо с красивым капризным ртом и самыми обычными светло-карими глазами. Соверен Гард – тридцатидвухлетний глава одной из семей-основателей. Почти уверена, что земля, на которой построен наш дом, принадлежит ему.

– Кто это? – подруга вытянулась в струнку, чтобы прочитать содержимое письма.

– Тот, кого я точно не собираюсь заводить, – фыркнула я и с чувством разорвала карточку, обиженно осыпавшую пол затухающими блестками.

К сумеркам стало ясно, что если в тесной квартирке представлен целый воз свежесрезанных цветов, то мигрень обеспечена всем жителям дома. К сожалению, Рут с помощью магии умела усиливать ароматы, а не разгонять. Мы несколько раз проветривали комнаты, но даже ужин имел вкус роз,

хотя, казалось бы, овощное рагу со сладким перцем ничем иным, кроме перца, пахнуть просто не может.

– Сил моих больше нет! – не выдержала я и, отложив вилку, потерла ноющие виски. – Надо что-то с этим поминальным залом сделать.

– Сварим джем из розовых лепестков? – деловито предложила Рут.

– Честно говоря, я знаю только одного человека, способного есть джем из розовых лепестков.

– Кого?

– Тебя! – огрызнулась я. – А ты даже не нимфа и любишь мясо.

– Зато я цветочная фея! У меня рука не поднимется выкинуть розы. Их можно засушить, а потом разложить по мешочкам и спрятать от моли.

– Мы распугаем во всем доме даже тараканов. Проще продать цветы по злотому за дюжину.

С противоположной стороны стола донеслось очень подозрительное молчание. Я приоткрыла глаза. Рута задумчиво жевала ужин.

– Ты же не собралась их продавать? – тихо уточнила я.

– Думаешь, кто-нибудь придет предъявлять претензии? – изогнула она брови, давая понять, что догадка верна. – У меня завтра выходной. Сбудем тихонечко, зато не придется скидываться на квартирную плату.

Вообще, продавать подаренный мужчиной букет – дурной

тон. Настолько дурной, что о торговле даже стыдно думать. С другой стороны, если в гостиной испускает ароматы целая подвода роз, то стоит или тихо дохнуть, или активно думать, куда щедрый подарочек сплавить... Или набивать саше. Но у нас в квартирке просто не найдется столько моли.

– Ты права, – отозвалась я. – Претензии вряд ли будут предъявлять.

Неожиданно в тишине раздался стук медного молоточка, висевшего на входной двери. Мы с Руткой подпрыгнули и невольно повернулись к заставленной цветами гостиной, будто рассчитывали, что гость материализуется посреди комнаты. А еще лучше, если переместится одной туфлей в ведро с розами. В голове мелькнула идиотская мысль, что Соверен Гард непостижимым образом разгадал злодейский план и появился, чтобы отвесить почти заслуженный фунт презрения.

– Я открою, – поднялась я из-за стола.

На пороге стоял уже знакомый охранник. Без преувеличений, у меня нервно дернулся глаз.

– Вы снова хотите меня куда-нибудь доставить? – изогнула я брови.

– Нет, я...

– Боже! Может, вы приехали забрать цветы?

Наверное, стоило скрыть радость в голосе, но как можно сдерживаться, если на горизонте замерцала перспектива скорейшего избавления от цветочного ада? Я собственны-

ми руками помогу перетащить оранжерею в... Куда там надо нести?

– Господин Гард просил передать, – быстро выпалил охранник и подвинулся.

За его широкой спиной прятался невысокий мужчина в темном костюме и с большой черной коробкой в руках, на боку которой поблескивала эмблема дома мод Арлис. Глаз теперь не просто дернулся, а мелко и неприятно задрожал.

– Примите, пожалуйста, госпожа Астор, – с кроткой улыбкой протянул слуга коробку через порог.

На острове Анадари ничего и никогда не передавали через порог – это считалось еще одной дурной приметой, приводящей к потере денег. Если подумать, то все островные приметы сводились к потере или внезапному, как божественное благословение, возникновению золотых в кошельке. Второе, правда, реже.

– Воздержусь, – попыталась я отодвинуть коробку.

– Нет уж, примите, – настойчиво пихнул посыльный подарок.

И тут я поняла хитрый маневр охранника! Осознав, что длинноногая нимфа еще тот крепкий орешек, совершенно не желающий оказаться заваленным подарками, он позвал подмогу.

– Только если вы заберете розы! – нашлась я.

– Но розы доставляли не мы, – несколько растерялся муж-

чина в костюме.

– Нет? Как хотите.

Дверь захлопнулась перед носами посыльных. Подозреваю, они посчитали меня чокнутой.

– Кто был? – позвала Рута из кухни.

– Коммивояжеры, – соврала я, но не успела вернуться в кухню, как снова раздался стук молоточка. Решив дать точное направление, куда слугам катиться вместе с подарками, я широко распахнула дверь, но крыльцо было пусто. Зато коробка лежала на коврике. Пришлось выглянуть наружу. Двое взрослых мужчин спешной походкой, видимо, боясь, что их догонят и вернут коробку, а заодно отвесят пару ласковых слов, маршировали к карете.

– Эй! Господа! – крикнула я, но «господа» как последние хулиганы не оглянулись и прибавили скорости.

Бежать за поверенными я поленилась. Платье можно было отправить в башню Гард почтой, пусть сами разбираются, что с ним делать. Я подхватила коробку и неловко втянулась в тесный холл, ударившись о большую рогатую вешалку.

Под крышкой, как я и подозревала, пряталось то самое золотистое платье из тончайшей ткани, из-за которого меня заставили изображать неподвижный манекен. Я вытащила из конверта карточку.

«Наденьте на завтрашний ужин. Карета будет ждать в пять вечера», – в нахальной манере, словно давал распоряжения, написал Соверен Гард.

– Теперь коммивояжеры дарят платья? – не без иронии уточнила Рута, разглядывая содержимое коробки. – Не знаю, что за мужчина у тебя появился, но он определенно пытается произвести впечатление. Богат?

– Даже слишком, – буркнула я, небрежно закрыв коробку. – И точно не планирует жениться в конце месяца.

Кабинет мадам Драмлин, наставницы приюта «Солнечный ветер», в точности походил на его хозяйку: строгий, безликий, пахнувший старым чердаком. За окном светило солнце, радостное и теплое, но, пробиваясь сквозь оконную раму, оно рисовало на темном паркете решетку. Как в застенке.

Старая карга... Проклятие! Я только что назвала Драмлин старой каргой!

Да как твои мысли, Лаэрли Астор, только посмели повернуть в этом недостойном направлении? Разве не знаешь, что не следует думать плохо о наставнице приюта, когда сидишь прямехонько перед ней на жестком стуле? Стул ни при чем, хотя мог быть и помягче, мы же не на судебном заседании. Но карга – *демон меня раздери!* – наставница Драмлин совершенно точно обладала даром улавливать все мысленные ругательства в свой адрес еще на стадии их зарождения.

В общем, глубокоуважаемая старая леди сидела за громоздким письменным столом, постукивала по бумагам кончиком перьевой ручки и буравила меня тяжелым взглядом,

определенно пытаюсь поймать на лжи. А врала я напропалую, не стесняясь и не ведя бровью.

– Говорите, что выходите замуж? – повторила она и недовольно поджала губы.

– Да, – уверенно кивнула я. – Все уже решено. Мой жених исключительно хороший человек, любит детей и согласен на удочерение Хэйзер. Поэтому прошу, не торопитесь отдавать девочку в приемную семью.

– Почему, в таком случае, ваш будущий муж не приехал? – изогнула ухоженные брови старая карга.

– Он очень занятой человек, – уверила я.

– Позвольте уточнить, ваш жених тоже... нимфа? – сухо спросила Драмлин, видимо, пытаюсь найти причину для отказа.

Конечно, прости меня, мама, но я что, дура, чтобы выходить за безответственного, неприспособленного к семейной жизни нимфа? Папа и старший брат не стали исключением из правил. Лицо отца я толком запомнить не успела, а второй – повесил на меня огромный долг и сбежал из Города десяти островов, чуточку забыв вписать в семейное древо имя родной дочери. Если бы он иногда думал не только о себе, не пришлось бы ломать голову, как забрать Хэйзер.

– Он темный, – спокойно соврала я и сделала мысленную пометку выставить свахе обязательное условие искать мужа из темных. Если подвернется светлый, выйдет неловко. Мол, даже не смогла запомнить, какой цвет магии у жениха. Ма-

дам Драмлин и так была не слишком высокого мнения о моих умственных способностях.

– Прекрасно. – Она раздраженно отбросила ручку на стол. – Если вы считаете, что сможете обеспечить будущее девочки лучше, чем семья уважаемого лекаря с острова Эльба, то знамя вам в руки.

«Никто не знает, что происходит за закрытыми воротами в богатых домах! А если Хэйзер превратят в бесплатную прислугу?!» – мысленно прокричала я, но вслух вымолвила:

– Приложу все усилия, чтобы нести это знамя с честью.

От неприкрытой иронии у Драмлин вытянулось лицо.

– Надеюсь, в следующий раз познакомиться с вашим женом, госпожа Астор, – сквозь зубы выцедила она и кивнула на дверь, без намеков выставляя меня из кабинета.

Вот только найду приличного кандидата.

– Непременно, – улыбнулась я, поднимаясь, и оправила скромное мешковатое платье, специально надетое для встречи с наставницей приюта. Прощались мы, как всегда, страшно недовольные друг другом.

С погодой повезло. День выдался теплый, солнечный и безветренный, редкий для Шейросской низины. Первое, что сделала Хэйзер, потащила меня на детскую площадку, где рядом с качелями стоял крошечный ярко-зеленый домик в красный горошек, отчаянно напоминавший измученную несварением божью коровку.

– Лэр-ри, быстр-рее! – вприпрыжку скача по мощеной до-

рожке, подгоняла меня девочка. Звук «р» она только-только научилась произносить и теперь вздохом рычала.

Из-под съехавшей набок вязаной шапки вылезали ярко-красные мягкие локоны, серые глаза, отражавшие цвет приютской одежды, блестели от нетерпения. Хэйзер унаследовала внешность отца и постепенно расцветающий темный дар матери. Не к месту упомянутая мадам Драмлин уверяла меня, что девочка – абсолютная пустышка, как все потомки нимф. До сих пор с удовольствием вспоминаю перекошенное лицо старой карги, когда она вынужденно признала ошибку.

Малышка легко прошмыгнула в крошечную дверцу, но мгновенно оттуда высунулась:

– Чего так медленно?

В отличие от шестилетнего ребенка мне пришлось сложиться, согнуться и только после кое-как втиснуться в зеленое нутро домика, засыпанного песком. Боясь шмякнуться макушкой о крышу, я немедленно пристроила пятую точку на узенькую лавку и машинально поправила девочке шапку.

– Смотри, Лэр-ри! – прошептала Хэйзер и пальцем указала в угол домика.

Я не сразу поняла, кого именно она показывает. На перекладине, головой вниз, завернувшись в кокон кожистых крыльев, дремало создание, похожее на летучую мышь. Однако нормальные зверьки еще не пробудились от зимней спячки и совершенно точно не могли похвастаться ярко-зеленой маскировкой в цвет тонких фанерных стен. Выходило, что мое

ненаглядное чадо подкармливало демоненка.

– Это Кыш, – важно объявила Хэйзер. – Он спит.

Бес бдел! Огромные острые уши, торчавшие на круглой башке, незаметно подрагивали. Он вслушивался и, похоже, подбирал момент, чтобы напасть.

– Почему ты назвала его Кыш, сладкая? – спросила я, стараясь не делать никаких резких движений. Вернее, просто вцепилась в край узенькой лавчонки и даже глубоко не дышала.

– Ну, нянечка увидела его в комнате и закричала: «Кыш, кыш!». Он и улетел в окно. Забери его!

Без всякого пиетета она схватила демоническую зверюшку и содрала с перекладки. Бедняга вытаращил алые глаза, вместо агрессивного шипения из клыкастой пасти вырвался странный сип. Никогда бы не подумала, что на морде у демона способен отразиться вселенский ужас. В одно мгновение короткая зеленая шерстка окрасилась серым цветом под пальто хулиганки, а уши жалобно задрожали.

– На! Пусть он поживет с тобой, – потребовала Хэйзер.

Бес недобро дернул глазом. Живо представив, как Рута выставит меня из дома вместе со зверенышем, коробкой с золотистым платьем и охапкой завядших роз, я тоже дернула глазом и мягко улыбнулась:

– Воробышек, давай лучше мы прихватим мышку, когда вместе поедем домой. Кыш любит гулять, висеть вверх тор-машками...

– Он любит жр-р-рать, – со вкусом выдало нежное создание.

– Хэйзер, где ты слышала это плохое слово?! – охнула я и ударилась затылком о деревянную стенку домика с таким звуком, словно бабахнула по пустой кастрюле. Смешно сказать, но почему-то стало стыдно перед демоном.

– Кухар-рка так сказала: «Эти бесы всегда жр-рут, как не в себя», – охотно пояснила она и тут же предложила: – Не возьмешь Кыша, тогда пойдем р-рисовать...

Из Шейросской низины я возвращалась в потемках, когда на улицах зажгли фонари. Городской омнибус останавливался у подножья холма, на широком проспекте. Я выбралась из теплого салона и невольно поежилась: в нашем квартале вечно гуляли сквозняки. Переулок, ведущий к дому, бодро взбегал на горку, и я с тоской оглядела озаренный тусклым фонарным светом подъем. Можно было выбрать обходной путь, но не хотелось терять время. Дорога виляла между зданий и заборов, превращалась в каменные ступеньки, а потом снова сглаживалась, обрастая брусчаткой. Честное слово, каждый раз, взбираясь на гудящих ногах на холм, я заставляла себя думать о дешевой арендной плате, а не о желании лечь под каким-нибудь забором.

Перед воротами стояла незнакомая карета, а в нашей квартирке на первом этаже светились все окна. Только я переступила через порог, как в холл выскочила испуганная Рута и мгновенно оттеснила меня обратно на крыльцо. Вид у

нее был полуобморочный.

– Ты не одна? – удивленно изогнула я брови.

– Он явился! – с жаром прошептала она и осенила себя божественным знаменiem. Если Рута начала молиться, то дела действительно плохие.

– Кто?

– Тот, кто розы тебе вчера подарил! В кошмаре такое не приснится!

Я почувствовала, как меняюсь в лице и медленно указала пальцем на дверь:

– Хочешь сказать, что Соверен Гард сейчас сидит в нашей гостиной?

– Именно! Грузим мы розы в подводу, а тут останавливается шикарная карета и из нее выходит Соверен Гард. Я сначала решила, что обозналась. Потом присмотрелась – он самый! И давай ему предлагать дюжину роз по дешевке.

– Ты серьезно продала розы?! – ужаснулась я.

– Ну не выкидывать же добро. – Она прижала ладошки к бледным щекам, в глазах заблестели слезы. – Я чуть не заставила Соверена Гарда купить цветы, которые он уже покупал! Как ты думаешь, меня теперь в кутузку загребут?

– За что?

– За незаконный оборот роз в Городе десяти островов!

Скорее в пансионат для душевнобольных, если она не перестанет дергаться. Но об этом я мудро промолчала и тихо спросила:

– Давно он приехал?

– Часа полтора назад.

– Надо же, какой терпеливый, – процедила я и, отодвинув соседку с дороги, вошла обратно в квартирку. Рута посемила следом, опасливо прячась за мою спину.

Наплевав на все приметы вместе взятые, я появилась в гостиной в уличной обуви, разве что пальто расстегнула. В конце концов глава семьи-основателей в крошечной квартире не в самом шикарном районе острова – уже дурная примета. Хуже не придумаешь.

Соверен Гард, холеный и совершенно неуместный в скромной обстановке, сидел в старом кресле, элегантно уложив ногу на ногу. На аристократической физиономии хозяина половины острова Тегу застыло такое выражение, будто он увяз в грязной луже. Хотя наверняка увяз, правда, не в луже, а в дыре. Кресло давным-давно просело, и в середине зиял провал, лишь для вида прикрытый плоской подушкой.

На кофейном столике стояла чашка с крепким остывшим чаем. На поверхности образовалась тонкая темная пленка и выглядел напиток не особенно аппетитно. Я бы тоже побоялась пить. Зря он попросил чаю, не в обиду Руте, но кофе она варила поприличнее.

Медленный взгляд мужчины прошелся по мне от туфель до макушки. На лице вдруг заходили желваки. Признаю, мешковатое платье в мелкую клетку и неприметное пальто, делавшее мои глаза почти бесцветными, мало походили на

шикарные тряпки из дома мод Арлис. Но если бы я нарядилась во что-то приличное, то перекосило бы мадам Драмлин. Одобрение старой карги важнее поправленного чувства прекрасного у аристократа.

– Добрый вечер, – наконец поздоровался гость глубоким спокойным голосом, никак не выдавшим недовольства.

– Пожалуй, свежим воздухом подышу... – пробормотала за моей спиной Рута и скоренько слиняла на улицу. Осторожно закрылась дверь, щелкнул замок.

– Что вы здесь делаете? – холодно спросила я.

– Это же очевидно, жду вас, – насмешливо ответил он. – Конечно, я бы предпочел беседовать в ресторации отеля, но вы опоздали на встречу. На два часа.

– Я не опоздала, – сухо прокомментировала я.

– Не заметили приглашения?

– То есть намека вы не поняли? – вопросом на вопрос ответила я.

– Прекрасно понял, но решил, что отсутствие нормально-го ужина не отменяет разговора, – объявил он, не сводя с меня пристального взгляда.

– Полагаете, у нас есть темы для разговора?

– Конечно.

– Вы ошибаетесь.

– Я никогда не ошибаюсь, – уверенно заявил он. – Мне в первый раз дали от ворот поворот через охрану.

Подозреваю, что ему вообще впервые дали от ворот по-

ворот.

– То есть теперь вы хотите услышать лично? – предположила я.

Он напрочь проигнорировал сарказм и неопределенно кивнул:

– К слову, здесь тонкие стены. Я не подслушивал, а просто услышал ваш разговор с соседкой. Всегда так поступаете: продаете подарки от мужчин?

Я почувствовала, что против воли начинаю краснеть. С розами действительно вышло неловко. Да что там неловко? Помереть от стыда!

– Обычно я их вообще не принимаю, чтобы не избавляться, – ответила я.

– Любите превращать разговор в обмен колкостями? – вдруг спросил он, с трудом сдерживая улыбку.

– Только когда устаю.

– В таком случае не стойте, Лаэрли, присаживайтесь, – хозяйским жестом он указал на диван, укрытый прятаншим огромную проплешину пледом.

– Спасибо, – машинально я сделала шагок в комнату, но замерла на месте.

Стоп! Я только что поблагодарила свалившегося как снег на голову гостя за то, что мне предложили войти в *мою же* гостиную?! Да что со мной такое? Садиться не стала из принципа, скрестила руки на груди и вперила в мужчину ледяной взгляд.

– Какая вы, однако, сложная... – сдался он и поднялся с печально скрипнувшего кресла. Очень ловко поднялся, надо заметить. Я обычно долго ковырялась, чтобы вытащить пятую точку из дыры.

И, честное слово, лучше бы он оставался на месте, потому как высокая плечистая фигура, упакованная в дорогой костюм, казалось, заполнила пространство скромной гостиной. В кресле Соверен Гард выглядел... несколько компактнее. Не таким подавляющим. В доме мод он и вовсе не производил столь ошеломительного впечатления.

Мужчина прошелся по комнате. Помедлил возле комода, заставленного цветными гравированными карточками в деревянных рамках. Задумчиво покрутил один снимок в руках, поставил обратно. Кажется, небрежно, но ровно туда, откуда взял. А Соверен Гард, похоже, педант.

– Должен признать, что я несколько разочарован, – вдруг произнес он в тишине.

– В чем?

– Вы гораздо непритязательнее в обыденной жизни, чем кажетесь на первый взгляд.

Непритязательной я была и на второй, и на десятый взгляд. Когда половина жалования уходит на выплату ссуды в монетном дворе, как-то быстро учишься жить по средствам. Сама не знаю почему, но это верное наблюдение меня страшно задело.

– То есть можно было не напрягаться и не покупать те-

лежку роз? – со смешком уточнила я. – Знаете, вы бы меня сильно обязали, если бы ограничились букетиком гвоздичек.

– Любите гвоздики? – Он перевел на меня пронзительный взгляд.

– Я вообще не люблю цветы, но чтобы выбросить маленький букет, не надо нанимать подводу.

– Вам нравится так жить, Лаэрли?

– Как?

– Бедненько, но чистенько. – Темная бровь изогнулась, светло-карие глаза насмехались.

Я никак не могла отвести взгляда от этих самых обычных глаз. Разве у магов его родословной не должно быть отличительных черт? В зрачках не должны мерцать звезды, а на физиономии расцветать какой-нибудь сложный орнамент, который на колдовском языке складывается в слова «осторожно, первосортная сволочь»? Нет? Как жаль!

– В таком случае, зачем вы явились в мой бедный, но чистый дом?

– Поверьте, не для обмена колкостями, – хмыкнул он.

– Тогда для чего? Явно не для того чтобы полтора часа любоваться на чашку с чаем, – кивнула я в сторону кофейного столика.

– Я хочу тебя, – будничным тоном произнес он.

– Простите, что? – опешила я.

– Что в этом непонятного? – Он изогнул бровь. – Я хочу тебя как женщину.

– Прямо сейчас?

– Особенно сейчас, когда ты мило остришь. Даже в этом уродливом рубище и в этой убогой хибаре на продавленном диване.

– Вы только что назвали мой дом хибарой?

– Это все, что ты услышала? – быстро переспросил Соверен.

– И диван не продавленный. Он просто вытертый! – для чего-то принялась я доказывать годность мебели, хотя по обстановке давно плакала свалка. – Вообще, прекратите оскорблять нас с диваном!

В комнате стало очень тихо. Замерев, я следила, как Соверен лениво приближался. Он остановился в паре шагов. Поза расслабленная, руки в карманах брюк, голова чуть склонена – он чувствовал себя не только хозяином положения, но даже нашего дома. Дивана с проплешиной в том числе.

Я подавила предательское желание отступить, а еще лучше сбежать на улицу и спрятаться в торговой лавочке тетюшки Совы, которая из-под полы продавала отличную брусничную настойку. Было у меня подозрение, что после милой беседы с Совереном Гардом бутылочка не помешает.

– Что оскорбило диван, я понял. – Мужчина не потрудились скрыть иронию в голосе. – Но что оскорбило тебя, Лаэрли? Откровенность? Мы, конечно, могли бы обсудить погоду или последние постановки в Академическом театре, но к чему начинать издалека, если в конечном итоге я бы все

равно предложил...

– Стать вашей содержанкой? – с трудом сдерживая ярость, перебила я.

– Покровительство, – мягко поправил он.

– То есть это вы время просто сэкономили? – фыркнула я.

От возмущения ужасно хотелось швырнуть в надменную физиономию Гарда туфлю. Честное слово, снять и с размаху запустить! Глядишь, повезет и посреди лба отпечатается след от каблука.

– Слушайте, господин Гард, я, конечно, встречала разных парней и среди них попадались весьма резвые, но вы обскакали всех! Впервые мне предлагают улечься на диван еще до официального знакомства.

Красивые капризные губы мужчины изогнулись в лукавой улыбке, а на щеке вдруг появилась премилая ямочка, вызвавшая у меня паралич сознания. Куда смотрели боги, когда награждали такой очаровательной черточкой злодея? Он протянул руку:

– Соверен Гард.

– Я вам кажусь смешной? – вызверилась я, сжимая кулаки.

– Не предполагал, что с тобой будет так сложно. – К счастью, руку он опустил, иначе бы ударила. – Ты же нимфа.

– То есть женщина второго сорта, что ли? Можно не церемониться?

– Ты передергиваешь. – Голос Соверена по-прежнему звучал спокойно. – Мы взрослые люди, и я точно знаю, что хо-

чу. Не проще ли сразу перейти к сути?

– Не проще!

– Да, я заметил, что ты любишь создавать сложности на пустом месте. Я жажду обладать тобой, а взамен могу дать все, что пожелаешь ты.

– Например, купить новый диван?

Да что я привязалась к несчастному дивану? Стоит, никого не трогает.

– Например, купить новый дом.

Некоторое время я пыталась переварить непристойное предложение, но оно отказывалось усваиваться в голове. Внутри кипел гнев.

– И что, господин Гард, это разовая сделка? – стараясь говорить ровно, вымолвила я. – Я вам даю... то, что вы там желаете, а вы мне покупаете новый дом?

– Заинтересовалась? – понимающе улыбнулся он.

– Я выгляжу заинтересованной? – насмешливо изогнула я бровь. И, господи, кто бы знал, сколько сил мне стоило изобразить эту самую насмешливость!

– Ты мне нравишься, Лаэрли. Ты красива и остра на язык, а я всегда щедр и внимателен к своим женщинам.

Ну да. А еще отличаешься очаровательной «скромностью».

– Просто подумай хорошенько, – продолжал соблазнять он, добавив голосу чувственной хрипотцы, словно мошенник на рыночной площади, уговаривающий меня купить

медвежонка вместо хомячка. – Все что хочешь. По щелчку пальцев.

– Прямо сейчас? В смысле, немедленно? – процедила я сквозь зубы.

– Если желаешь, – кивнул Гард.

– Подумала! – резко щелкнув пальцами, выпалила я, определенно приведя Соверена в замешательство. – Я очень, очень хочу, чтобы вы, господин Гард, убрались из моего дома. Прямо сейчас, немедленно! Завтра пришлю платье в башню Гард. Цветы, простите, вернуть уже не смогу, но в качестве благодарности дам отличный совет. Вы ведь не против?

– Как я могу тебе отказать? – Его глаза смеялись.

– Если вы еще когда-нибудь меня захотите, то просто примите ледяную ванну. Очень помогает...

– Ненавижу ледяные ванны. – Одним шагом он практически стер расстояние между нами. Я все-таки струсила и отшатнулась, упершись спиной в косяк.

– Что... что вы делаете?

– Ты похожа на испуганную гимназистку, – усмехнулся он, даже не представляя, насколько оказался прав. Когда мне встречаться с мужчинами, если все время приходится работать, чтобы вернуть долг монетному двору? Вернее, его хозяину Гилберту Эммоту.

– Вы слишком близко стоите, – голос неожиданно сел.

– Знаю, – тихо отозвался Соверен.

– Раз знаете, то отодвиньтесь. Вы нарушаете мое личное пространство!

– Я еще даже не начинал, Лаэрли Астор. – Он вдруг протянул руку и аккуратно заправил мне за ухо выбившуюся из скромного пучка прядь волос. – Нарушать твоё личное пространство.

Неожиданно щелкнул замок и приоткрылась входная дверь, обдав ноги холодным сквозняком. Соверен мгновенно отступил, а ко мне вернулось дыхание. Рута бочком протиснулась в холл и виновато улыбнулась:

– На улице так холодно, а я в одном джемпере...

– Господин Гард уже уходит, – холодно объявила я.

Соверен понимающе усмехнулся.

– Подумай над моим предложением, Лаэрли, – напоследок произнес он и кивнул Рут: – Всего наилучшего, госпожа светлая колдунья.

– До свидания, – пролепетала она, старательно вжимаясь в выкрашенную бледно-желтой краской стену. Подозреваю, подружка хотела бы слиться с ней, но в зеленом платье это было весьма проблематично.

За Совереном Гардом закрылась жалобно скрипнувшая дверь. Я чувствовала себя оглушенной.

– И как? – с жаром спросила Рута, схватив меня за руки ледяными пальцами. – Ты уговорила его не сажать меня за продажу роз?

– Что? – словно очнулась я от гипноза и бросилась на ули-

цу: – Я сейчас.

– Ты куда? – не поняла она, но я уже выскочила на крыльцо.

Соверен уже забирался в экипаж.

– Господин Гард, постойте! – крикнула я.

Он обернулся и, заметив меня, жестом приказал лакею отойти. От поспешности я случайно промахнулась мимо одной ступеньки и чуть не свернула шею. Хорошо, что успела схватиться за перила, может, не особенно ловко, зато своевременно.

Раздраженно сдув с лица настырную прядь волос, я зашагала к Соверену и остановилась в шаге от него. Выпрямилась во весь рост, чуть на цыпочки не встала, но все равно пришлось задрать голову, чтобы заглянуть в высокомерное лицо. Честное слово, я привыкла источать надменность точно в глаза наглецов, не напрягая шеи, но спесивый болван Гард оказался настолько спесив, что просто был выше меня ростом! Злодей!

– Не ушиблась? – уточнил он, намекнув, что мой «грациозный» выход не остался незамеченным.

– Больше никогда не приходите в мой дом! – запальчиво произнесла я. – Не знаю, на что вы рассчитывали, когда возникли с этим своим предложением, но я никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах не стану вашей любовницей. Вы мне глубоко неприятны! И ваша прямолинейность вызывает отвращение!

Он смотрел с интересом.

– Почему вы молчите? – взвилась я.

– Ты специально за мной гналась, чтобы сказать, насколько я тебе неприятен?

– А? – хлопнула я глазами.

– Спокойной ночи, Лаэрли. – Соверен обаятельно улыбнулся. – Иди в дом, иначе простудишься. Твоя соседка права, на улице действительно холодно.

Он забрался в салон. Заставив меня посторониться, лакей закрыл дверцу и взгромоздился на козлы. Экипаж тронулся и вскоре скрылся за пригорком, а я в растрепанных чувствах и в расстегнутом пальто по-прежнему таращилась на опустевшую улицу.

Я словно вернулась на три года назад, когда пыталась найти деньги, чтобы спасти жизнь старшему брату... Мужчины, обладающие властью, знали толк в том, как заставить нимфу сожалеть о красоте, доставшейся ей от лесного народа.

ГЛАВА 2

Нимфа в активном поиске

«Ты хочешь играть? Хорошо, я не против. Давай играть...» Соверен Гард

«Сверни шею на лестнице «девичьего позора», злодей недоделанный!» Лаэрли Астор

Утром возле дома меня ждала знакомая карета. Не успели мы с Рутой ступить на пешеходную мостовую, как с козел прыгнул знакомый охранник.

– Здравствуйте, госпожа Астор, – вежливо поздоровался он и выразительно открыл дверцу, продемонстрировав отделанный белой кожей салон.

– Доброе утро, – с видом чопорной выпускницы института благородных девиц кивнула я. Только хотела пошагать по крутому спуску легкой походкой манекенщицы, как Рута дернула меня за рукав. Она очень странно улыбнулась охраннику и пробормотала в мою сторону:

– Ты куда?

– На омнибусную остановку. Ты на работу не опаздываешь?

Вообще, непунктуальностью обычно славились нимфы, но из нас двоих все время опаздывала цветочная фея. Выхо-

дить из дома вовремя ей не помогали даже переведенные на пять минут вперед часы.

– Извините нас, господин охранник. – Рута схватила меня за руку и, вынудив отойти на пару ярдов, горячо зашептала: – Чем тебе эта карета – не омнибус? Что за странное проявление самостоятельности? Если человек желает тебя довезти до работы, чего ерепениться?

– Боюсь, потом по счетам с хозяином экипажа не расплачусь, – напомнила я.

– Не бойся, я тебе денег добавлю, – серьезно уверила Рута. Стараясь скрыть смехок, охранник кашлянул в кулак.

– Лучше за вчерашние розы верни, – проворчала я и обратилась к парню, открыто потешавшемуся над нашим спором: – У вас снова приказ довезти меня туда, куда пожелаю?

– Лучше в дом мод, – заметил он.

– Нет, лучше в цветочную лавку на площадь Гард, – категорично заявила я и подтолкнула подругу к карете. – Садись.

– А ты? – растерялась она.

– Прогуляюсь, погода чудная. Солнышко светит, птички поют.

Солнышко, конечно, светило, но налетали такие порывы ледяного ветра, что всех пташек, похоже, напрочь сдуло с голых веток деревьев. В общем, никакого птичьего перезвона, только в соседнем дворе басовито лаял пес. Зато ветер в спину прибавит резвости на спуске. Донесусь до остановки – дух захватит!

– Но господин Гард будет крайне мной недоволен, если вы снова своим ходом... – растерялся парень, наблюдая за тем, как маленькая юркая девчонка, похожая на цветочного эльфа, забралась в салон и плюхнулась на белое сиденье.

– Ох, не переживайте, ход у меня замечательный, – уверила я. – Ни разу не ломался.

Очень захотелось по-анадарски поплевать через плечо и постучать по деревяшке, ведь нимфу-манекенщицу ноги кормят в прямом смысле слова: есть перелом – нет показов.

– Господин... – снова возмутился парень.

– Скажите, что сегодня мне срочно потребовалось доехать до площади Гард. Всего наилучшего! Как вас, кстати, зовут?

– Март Тэгу, – машинально представился он.

– Как первый месяц весны и центральный остров? – слышался из кареты ехидный голосок подруги.

– На первородном языке имя и фамилия пишутся по-другому! – вдруг запальчиво воскликнул охранник, но немедленно прикусил язык. Видимо, Рута наступила бедняге на больную мозоль, хотя на ее месте я бы деликатно промолчала.

Шестую дочь в семье Шейрос, не мудрствуя лукаво, называли в честь северного острова Рут. Каждый раз, когда подружка перебирала крепкой брусничной настойки тетушки Совы, обязательно начинала стонать, что родители-изверги испортили ей жизнь. Мол, никто и врагу не пожелает жениться на колдунье с фамилией, созвучной Шейросской низине,

и с имечком самого бедного острова Города. Она же воплощение плохой приметы! С такой супругой в доме никогда не будут водиться деньги. Пару раз я пыталась доказать, что отсутствие злотых напрямую зависит от умения ими распоряжаться, которого подруге не хватало, но она оставалась глуха к здравым доводам.

– Хорошего дня, господин Тэгу, – помахала я рукой и зачастила вниз по улице, пока парень не пришел в себя и из чувства долга перед хозяином не запихнул меня в карету насильно.

Через полчаса я входила в дом мод. Не успела привыкнуть к полумраку служебных помещений, практически ослепившему после солнечной улицы, как с двух сторон ко мне подскочили Ронни и Стэлла – неразлучные подружки, внешне похожие как сестры. У одной глаза под блузочку отливали золотом, а у второй были такими черными, что терялся зрачок. В сочетании со светлыми волосами, разукрашенными темными полосками, выглядело жутковато. Что ни говори, а в черное чистокровным нимфам одеваться противопоказано!

– Привет, – улыбнулась одна.

– Лаэрли, – добавила вторая.

Имелась у подружек раздражающая привычка заканчивать друг за другом фразы. Складывалось впечатление, будто они делили один ум на двоих, такое коллективное сознание. Жили нимфы вместе, подозреваю, что и на свидания ходили

только парные, иначе не могли поддерживать светские беседы.

Меня незаметно увлекли к общей комнате для переодеваний. Мы вышагивали ровным строем, как на параде, заставляя белошвеек строиться по украшенным картинами стенам.

– Поздравляем тебя, детка, – проговорила Ронни.

– Ты подвинула королеву, – добавила Стэлла.

– Куда подвинула? – не поняла я. Наверное, следовало уточнить, кого именно подвинула, но мне не дали даже рта открыть.

– За борт, – совершенно ничего не объяснила первая нимфа.

– И теперь она захлебывается в собственной желчи, – добавила вторая.

В спину понеслись шепотки девчонок из пошивочной мастерской. Они сбились в стайку, что-то возбужденно обсуждая, и моментально рассыпались по коридору, стоило мне с недоумением оглянуться через плечо.

– Кто захлебнулся? – наконец спросила я.

– Конечно... – начала Стэлла со странной улыбочкой.

– Тамарин, – закончила Ронни, назвав имя ведущей манекенщицы дома моды.

«За что?» – с тоской подумала я.

Видимо, выдав последние новости, подружки синхронно отцепились от моих рук и хором объявили:

– Арлис тебя ищет.

– Сразу не могли сказать? – охнула я.

– Ты же... не спросила, – по реплике выдали нимфы. Боже, дай мне терпения! Одного коллективного разума на двоих им определенно маловато.

– Иди, а то она... ненавидит ждать, – синхронно улыбнулись они.

Вот и я о том же! Не трата время на переодевания, в пальто и уличных ботильонах я бросилась в другой конец модного дома, только пятки замелькали, и хвостом потянулись шепотки белошвеек. Подскочив к высокой дубовой двери, я перевела дыхание и отточенным движением расплела пучок на голове. Волосы, конечно, закрутились неровной волной, но Арлис терпеть не могла, когда ее модели выглядели, как учительницы младших классов.

Прежде чем войти, я осторожно постучалась и заглянула в шикарный кабинет. Арлис сидела за огромным письменным столом из красного дерева и что-то рисовала грифельным карандашом в альбоме для набросков, поди, снова придумала наряд, плохо подходившей для нормальной жизни. Она отложила работу, сняла очки-половинки и едва заметно улыбнулась:

– Проходи, милочка. Только появилась?

«Милочками» Арлис называла всех манекенщиц, кроме Тамарин. Подозреваю, чтобы не путать имена.

– На дорогах заторы, – мгновенно выкрутилась я.

– Ничего страшного, присаживайся, – указала она на ши-

карный диван.

Ничего страшного? Клянусь, после этих слов у меня прошел мороз по коже. На полдень покупательницы с острова Эльба заказали большую демонстрацию пляжных нарядов, в такие дни Арлис нервничала и требовала, чтобы манекенщицы готовились к выходам с рассветом, хотя прекрасно знала, что рассветы существовали для нимф только если они не ложились ночью спать. Может, я сама не подозревая как-то задела Тамарин, любимую модель хозяйки, и теперь меня решили пнуть с работы?

Придумывая десяток доводов, почему меня ни в коем случае нельзя увольнять, я присела на краешек дивана. Арлис опустилась в противоположном углу, сложила ногу на ногу и, расправив воздушную юбку, заявила:

– На следующей неделе мы планируем гравировать изображения с новой коллекцией весенних нарядов. Ты будешь моделью.

– А как же Тамарин? – вырвалось у меня. Оказаться на разноцветных гравюрах в специальном каталоге, который рассылался по клиентам дома мод, считалось чрезвычайно престижным. Девушки были готовы на убийство, лишь бы попасть хоть на один разворот, и эту отличную работу прежде получала ведущая модель.

– Много спеси и мало форм, – сухо прокомментировала Арлис. – Следует учитывать вкусы клиентов, а им определенно нравятся девушки с грудью.

Она имела в виду Соверена Гарда. Видимо, его манера выбирать женские платья и самих женщин под купленные платья произвела неизгладимое впечатление на хозяйку дома мод.

– А у тебя в том месте, где у нормальных нимф даже не топорщится, вечно расходятся пуговицы, – закончила мысль Арлис.

Искренне хочу верить, что она попыталась сделать комплимент женственным формам, но прозвучало так, будто я страдала лишним весом. По-хорошему, при моем росте следовало набрать еще несколько фунтов, чтобы не сносило ветром с горки, как случилось сегодня утром. Я не просто добралась до омнибусной остановки, а доскакала. И плащ раздувался, словно парус. Даже в глубине души – очень глубоко – пожалела, что из боязни оказаться неправильно понятой не залезла в карету Гарда.

– Твоя белошвейка должна заняться подгонкой нарядов, – дала она последние указания и улыбнулась: – Хорошо поговорили, милочка.

– Очень, – поддакнула я.

– Готовься к дневному показу.

И «милочка», полная противоречивых чувств, поплелась приходить в себя. Ну, и спутанные ветром лохмы превращать в приличную прическу.

Слухи по дому мод разносились со скоростью простуды в пансионе благородных девиц. Я еще не добралась до об-

щей комнаты для переодеваний, а весь коллектив уже знал, чья физиономия и другие части тела украсят сезонный каталог. В комнате для переодеваний меня встретили с нарочитым безразличием. Кто-то вяло поздоровался, другие отвернулись, и только Мика, моя бессменная напарница-белешвейка, лучилась радостью.

– Лаэрли, усаживайся быстрее! – недовольно проворчала мастерица по прическам Сати и указала на свободное место перед ярко освещенным зеркалом. – Времени осталось в обрез.

Она нещадно дергала волосы черепашьям гребнем и ворчала под нос, мол, тысячу раз повторяла, что нельзя ложиться спать с мокрой головой, но все нимфы отчего-то обладают счастливым даром избирательного слуха.

– Сделаем локоны, – заявила она. Через отражение в зеркале я следила, как Сати накрутила длинную темную прядь на горячие щипцы. От волос пошел выразительный дымок, в воздухе отчетливо запахло паленым.

– У меня волосы к показу останутся или придется побриться налысо? – спокойно спросила я.

В комнате, где только-только весенними птичками щебетали нимфы, наступила выжидательная тишина. Мы стали перекрестьем любопытных взоров. Всем было ясно, что мастерица устроила провокацию, чтобы угодить Тамарин, похоже, задетой тем, что полукровку неожиданно выбрали лицом весеннего каталога. Странно, как она не явилась лич-

но. Видимо, посчитала ниже королевского достоинства выходить в холодный коридор из личной комнаты для переодеваний и понадеялась на чернь.

– Убери, – настойчиво попросила я Сати и попыталась забрать раскаленные щипцы из ее рук, но в итоге обожгла запястье и охнула.

– Извини, – состроила испуганный вид мастерица. – Сильно обожглась?

– Нельзя аккуратнее? – громко возмутилась Мика, немедленно вступая в спор.

– Я же не специально, – как будто обиделась Сати.

– Конечно, специально! – в сердцах воскликнула я и тут же захотела прикусить язык. Ссорами все равно ничего не решить.

– С кем не бывает, – буркнула она.

– Да ни с кем не бывает! – огрызнулась белошвейка.

Любой в комнате подтвердит, что подобной неприятности ни с одной нимфой во время подготовки к показу не случилось. Мастера, дорожившие местом в доме мод, старались превращать подопечных в изящные статуэтки, а не в ободранных куриц.

– Девушки, успокойтесь, – попыталась я призвать скандалисток к порядку. Арлис ненавидела, когда подсобные помещения сотрясались от криков, и, бывало, выгоняла на улицу за меньшее.

– Раз так, то сами делайте прическу. – Парикмахерша при-

нялась собирать расчески и баночки с притирками в сундук. – Больно мне надо тут выслушивать всяких...

– Сати, – спокойно позвала я, заставляя девушку поднять глаза, – ты сможешь мне заплести косу? Они выходят у тебя отличные.

Та поджала губы, а потом буркнула:

– Ладно.

– Мика, – обратилась я к подруге, – давай ты закончишь с платьями?

Она шмыгнула простуженным носом и вернулась к нарядам, но изредка поглядывала через плечо, словно проверяя, а не пытаются ли мне незаметно состричь волосы до затылка. Остальные тоже вернулись к своим делам.

– Кстати, – как будто между делом вымолвила я, пока девица колдовала над сложной косой, – как у тебя выходят праздничные укладки?

– Неплохо, – отозвалась она.

– На следующей неделе мне делать гравированные карточки для весеннего каталога. Поможешь? Не хочу вызывать мастера из салона.

В зеркальном отражении мы встретились глазами. На хмуром личике Сати вдруг расцвела наигранно доброжелательная улыбка:

– Знаешь, Лэри, к этой прическе отлично подойдут мелкие жемчужины. Я как раз десяток булавок прихватила. Сделаем? Заодно потренируюсь.

– Как пожелаешь.

Показ прошел спокойно. Правда, во время последнего выхода я столкнулась в дверях с Тамарин. Светлые волосы высокой худой нимфы пестрели разноцветными прядями под полосатый морской наряд неприлично короткой длины, открывающий худые колени. Ресницы были цвета небесной синевы.

С презрительным видом она попыталась толкнуть меня плечом, но промахнулась и от души вмазалась в дверной косяк. Не стоило дразнить разъяренную гидру, но я не удержалась.

– Ничего себе не сломала? – спросила с фальшивым сочувствием.

Какое счастье, что злобные взгляды скорченных от боли дочерей лесного народа не умели убивать, иначе бы валяться мне на паркете бездыханным трупом в туфлях с высоченными каблуками! Наверное, в этих туфлях меня и похоронили бы.

Едва манекенщиц отпустили, я скоренько собрала вещички и заторопилась к свахе, адрес которой нашла в газетных объявлениях. Прежде чем выйти на улицу, украдкой высунула нос из служебных дверей. Во внутреннем дворе стояла знакомая карета, а возле нее терпеливо дожидался моего появления Март Тэгу. Я быстро втянулась обратно в помещение и, презрев строгие правила Арлис, с независимым видом, высоко держа голову, вышла из дома мод через глав-

НЫЙ ВХОД.

Кеб остановился возле нарядного особняка из красного кирпича в старом районе острова Тэгу. На деревянной табличке, висящей возле двери, вычурным шрифтом было написано: «Сваха мадам Салазар». Ниже шли приемные часы. На всякий случай я проверила время и, глубоко вздохнув для смелости, постучала медным молоточком. Мне открыла опрятная женщина в строгом костюме.

– Я к мадам Салазар, – с порога заявила я.

– У вас назначено? – нахмурилась незнакомка, поглядывая с подозрением.

– Нет, но надеюсь, что здесь мне помогут найти мужа.

На тонких губах женщины появилась мягкая улыбка. Она пошире открыла дверь, демонстрируя небольшой, но помпезный холл, оклеенный красной тканью с золотыми узорами, и объявила:

– Вы обратились по адресу.

Кричащая гостиная, куда меня проводили, выглядела даже богаче холла: стены, обтянутые яркой тканью, круглый столик на резных ножках, мягкая мебель с белой обивкой, на которую было неловко пристроить пятую точку. Пришлось сесть на краешек. Пухлое плотное сиденье оказалось неприятно скользким, я едва не сползала на блестящий паркет.

Наконец в комнату вошла среднего роста женщина, одетая в платье из дома мод Арлис. Я встала с дивана, стараясь

продемонстрировать хорошие манеры, и немедленно попала под прицел внимательного взгляда. Меня осмотрели с головы до ног.

– Здравствуйте, – поприветствовала я.

– У вас красивый голос и превосходная осанка, – немедленно заметила хозяйка брачного агентства. – Это всегда плюс.

– К карме? – не удержалась от иронии я.

– К образу.

– Я манекенщица из дома мод Арлис.

– У всех свои недостатки. Главное, умело их скрывать, – сухо ответила сваха и протянула холеную руку: – Мадам Салазар.

– Лаэрли Астор, – ответила я на рукопожатие.

– И руку пожимаете уверенно. Превосходно! Присаживайтесь, Лаэрли. – Она грациозно опустилась в кресло, дождалась, когда я снова пристроюсь на краешек дивана, и улыбнулась: – Значит, хотите мужа?

– В газетном объявлении было написано, что вы гарантируете брак в течение трех недель. Так вот, мне очень, очень надо найти мужа до конца месяца.

– Тогда не будем терять время, моя дорогая нимфа, – по лицу мадам скользнула прозрачная улыбка.

– Моя мама была темной, – заметила я.

– Превосходно, – вкрадчиво вымолвила собеседница. – Никому об этом не говорите. Нимфы прекрасны лишь в

неразбавленном виде.

Пока мы представлялись, бесшумная помощница принесла чай в изящных фарфоровых чашечках на звонких блюдах и раскрыла пухлый блокнот на столе. Мадам сделала изящный жест рукой, и золотая ручка сама собой острым пером нацелилась на чистый лист.

– Итак, Лаэрли, опишите ваш идеальный тип мужчины. Возраст, рост, род деятельности.

– Главное, чтобы был темным и любил детей, – не задумываясь, ответила я. Ручка немедленно замерла, ее хозяйка тоже.

– У вас есть внебрачные дети? – быстро уточнила мадам.

– Нет, но после заключения брака обязательно появятся.

– Простите?

– Я хочу взять на воспитание племянницу.

– Так и запишем: сложные родственные связи. Какие-нибудь еще обстоятельства, сужающие выбор?

Подозреваю, что ссуда в монетном дворе являлась приданным, сужающим круг женихов до невыразительной, едва заметной точки. Я покачала головой и с честным видом соврала:

– Нет.

– Тогда расскажите о себе. – Мадам помедлила, снова смерила меня придиричивым взглядом и вдруг махнула рукой: – Давайте просто запишем: «главное достоинство – юная нимфа». Вы же юны?

– Двадцать один год – это еще юность или ближе к старости? – на всякий случай уточнила я.

– Ладно, – вздохнула сваха, – оставим коротко: нимфа.

Повинуясь магическому приказу, чернильное перо живенько закрасило в блокноте слово «юная» и исправило на «свежая». Как морковь, в общем.

– Еще у меня есть собственный дом на острове Анадари.

– И особняк на курорте, – удовлетворенно кивнула она, хищно блеснув глазами.

– Знаете, это скорее даже не дом, а домик на берегу реки в квартале, где живут темные, – поторопилась объяснить я и краем глаза заметила, как перо само собой перечеркнуло последнюю строчку. Ниже появилась быстрая запись: «коттедж в элитном квартале».

– Увлечения, – объявила мадам следующую тему, и тут я несколько замялась, ведь на увлечения у меня не было времени. – Книги?

– Я почитываю романы... – осторожно начала я. Целых три любовные новеллы о темных магах и трепетных девах за последние два года. В общем, назвать начитанной меня можно с большой натяжкой.

– Рисование?

Пришлось виновато поморщиться и покачать головой. Пожалуй, мои корявые художества в минималистском стиле «палочка, кружочек – милый человек» приводили в восторг только Хэйзер. И подозреваю, совсем скоро малышка пой-

мет, насколько сильно обманывается насчет теткиных художественных талантов.

– Пение?

– Ну... Иногда, конечно, случается попеть арии в ванной комнате. Но негромко! Иначе соседи начинают стучать по трубам. А еще хуже, подпевать.

Мадам поджала губы. Похоже, последнее уточнение было лишним.

– Играете на музыкальных инструментах?

– В детстве училась игре на скрипке, – вздохнула я и мысленно содрогнулась.

Сколько лет прошло, а до сих пор без дрожи не могу вспомнить тот ужасный год, когда матушке втемяшилось в голову, что маленькие девочки из темных семей просто обязаны освоить хотя бы пару гамм. Как же наказали брата, когда скрипка исчезла! Мама решила, будто Трэн из вредности спрятал дорогой инструмент, а бедняга не сумел доказать, что я сама закопала «пиликалку» под яблоней в саду. Вечная память пыточному инструменту!

– Может быть, умеете вязать носочки или вышивать?

– Нет, – виновато покачала я головой, – но умею готовить.

– Превосходно! – улыбнулась сваха. – Так и запишем: «увлекается кулинарией». Образование?

– Старший курс лицея на острове Анадари? – произнесла я отчего-то вопросительно, словно сама не была уверена, где училась. Очень не хотелось расписываться в том, что выс-

шего образования получить не удалось. Денег на академию просто не было. Я наивно мечтала, что сумею накопить на поступление, если пару-тройку сезонов поработаю манекенщицей в доме мод Арлис, но три года назад на пороге нашей с Руттой арендованной квартирki появился избитый до полусмерти Трэн...

– Зато вы любите готовить, увлекаетесь чтением, – подбодрила меня мадам Салазар.

– Я?

– Именно, – уверенно кивнула сваха, – но главный ваш козырь, Лаэрли, – красота. Вам достаточно улыбнуться, чтобы мужчине стало плевать: читаете вы философские трактаты или сентиментальные романы. Поверьте, я работаю свахой больше двадцати лет. Красота и мягкий характер в вопросе женитьбы решают многое.

Мудро промолчав о том, что кротости во мне было столько же, сколько в шквальном ветре, я скромно сложила руки на коленях. Воспитанница пансиона благородных девиц, а не нимфа! Но стоило признать, что ярко-красный маникюр в образ не вписывался, да и в голове крутилась ехидная мыслишка, что мадам Салазар отлично сохранилась. Наверняка каждую ночь перед сном она возносила хвалы тому, кто придумал косметическую магию, позволяющую до глубокой старости с помощью заклятий и ядреных алхимических притинок поддерживать упругость кожи.

Некоторое время ушло на составление анкеты. Я успела

допить остывший ромашковый чай, позволила обмерить себя дюймовой лентой, а под конец выписала чек с предоплатой и, вместе с гравированной карточкой в полный рост, с закрытыми глазами вручила помощнице свахи. И меньше всего ожидала, что первое послание от мадам Салазар придет уже вечером.

Во время позднего ужина, когда мы с Рутой обсуждали мои матримониальные планы, в дверь постучались. Я замерла с недонесенною до рта вилкой, на зубцах которой истерично задрожал салатный листик.

– Думаешь, это он? – шепотом спросила подруга. Очевидно, нам в унисон пришла мысль о Соверене Гарде, но имя его мы обе боялись произносить вслух. Чтобы, как говорится, не накликать.

– Стоит ему предложить салат или надо пожарить ту отбивную? – вдруг пустилась в тихие рассуждения соседка.

Намертво замороженная отбивная лежала в морозильном ящике, не соврать, не меньше полугода. Я все подумывала отколупать ее ото льда и отдать хозяйской болонке, но визгливая собачка сбежала раньше, чем с ней случилось наше мясо. Наконец-то отбивная дождалась своего звездного часа!

– Не думаю, что он будет портить нам ужин два вечера подряд, – неуверенно покачала я головой. – Это негуманно. Откроешь?

– Давай на камень, ножницы, бумага, – протянула Рута

кулачок.

– Еще детскую считалочку предложи, – презрительно фыркнула я и в следующую секунду выставила раскрытую ладонь, изображая «бумагу».

Соперница уже сидела с двумя выставленными пальцами.

– Ножницы режут бумагу! – победно взвизгнула она. Хорошо в ладошки от радости не захлопала.

Пока мы выясняли, кому встречать незваного гостя, в дверь снова настойчиво постучались.

– Какой нетерпеливый, – буркнула я, поднимаясь из-за стола. Потом вспомнила, что одета в майку на тонких бретельках, не оставлявшую места для фантазии, и накинула на плечи теплую вязаную еще бабкой Шейрос кофту.

– Спрыснись благовонием! – в спину мне посоветовала подруга.

– Зачем? – с подозрением оглянулась я и невольно понюхала рукав кофты. Тут же почудилось, что она пахивала мокрой собачьей шерстью.

– Вдруг у него аллергия на цветочные ароматы.

План по выкуриванию неугодного гостя, конечно, был хорош и коварен, но подозреваю, Соверену Гарду страдать аллергией не позволяла спесь.

Готовая грудью защищать проход в дом я резко открыла дверь и уже собралась послать Гарда восвояси через Шейросскую низину, но на крыльце стоял посыльный. Он доставал мне до плеча. Взгляд уперся ровно в то место, каким я

собиралась закрывать дверной проем. Мужу пришлось так задрать голову, что с головы едва не свалилась фуражка.

– Письмо для госпожи Астор, – промычал он. Оставив в бланке нечитабельную закорючку, я забрала послание от мадам Салазар и, попрощавшись с почтальоном, заперла замок.

– Не он? – крикнула из гостиной Рута, пока я рассматривала розовый конверт.

– Кажется, мне нашли мужа.

Сваха писала, что подобрала достойного кандидата. Никлас Фолл был обеспечен, желал в жены красивую нимфу и ничего не имел против приемного ребенка. В общем, мечта, а не будущий муж.

Сдвинув тарелки с недоеденным салатом, мы с подружкой изучали черно-белую гравированную карточку с портретом молодого мужчины. «Мечта» выглядела отлично. К тому же он являлся темным. В общем, все как заказывала и даже лучше!

– Господи, где она такого жениха нашла? Даже зависть берет, – протянула Рута. – Как думаешь, может, мне тоже к этой мадам Салазар обратиться?

Она сгребла карточку со стола и приставила к моему лицу.

– Вы отлично смотрите! Давай на кофе погадаем, как у вас сложится.

– Давай я сначала с ним познакомлюсь, – выхватила я карточку у Руты и еще раз присмотрелась к благообразному мужскому лицу. Все складывалось подозрительно хорошо, а

в моей жизни ничего легко не получалось. Или, может быть, я напрасно нервничала, и сваха просто хорошо знала свое дело?

С утра мадам Салазар было отправлено письмо с согласием на знакомство с Никласом Фоллом, а в обед мне прислали официальное приглашение на встречу. Посыльный приехал прямиком в дом мод. Новость о том, что вечером я собралась на свидание с каким-то респектабельным господином, сотрясла сначала комнату для переодеваний, а потом непостижимым образом добралась до хозяйского кабинета.

Мы приходили в себя после последнего показа, когда в помещение ворвалась запыхавшаяся помощница Арлис и, схватившись за колющий бок, простонала:

– Зло идет!

На мгновение девушки-нимфы оцепенели, а потом со скоростью испуганных мышек принялись прятать коробки с пончиками, мешочки с крендельками и жестяные баночки с шоколадками, какими тайком, но с большим удовольствием, похрумкивали в перерывах между показами. А я только-только собиралась со вкусом отведать булку, даже успела вонзить зубы в поджаренный бочок! В настоящей панике огляделась вокруг и спрятала запрещенное лакомство с выразительным следом от укуса под полотенце на стуле.

Арлис ворвалась и с подозрительно-милой улыбкой на карминовых губах направилась в мою сторону. Первое, что она сделала: плюхнулась на стул, вернее, на булку под поло-

тенцем и сложила ногу на ногу.

– У тебя сегодня встреча? – прямо спросила она.

– Кхм... – с грустью мысленно прощаясь с перекусом.

– Наденешь изумрудное платье с кружевной вставкой на спине, – приказала Арлис, указав пальцем с острым розовым ноготком куда-то в сторону пустых вешалок.

Я украдкой обвела комнату быстрым взглядом. Нимфы остолбенели от изумления. Некоторые с раскрытым ртом. Ведь если бы кому-нибудь пришло в голову принарядиться в образец и отправиться на свидание, Арлис снесла бы голову этому смельчаку, страшно уставшему от жизни, а потом зарыла по частям где-нибудь на острове Рут.

Похоже, теперь девушки не ограничатся метанием дротиков в гравюру с моей физиономией, а начнут втыкать булавки в восковые ритуальные куклы. Может, пока не поздно, сбегать к шаману и заказать амулет от темных чар?

– Вообще-то встреча деловая, – осторожно поправила я.

– Господи, милочка, в ваших провинциях все такие же наивные или ты отдельный экземпляр? – закатила глаза она. – Чем, по-твоему, заканчиваются эти деловые встречи?

– Замужеством, – не очень уверенно предположила я.

– Даже так? – Арлис выпрямилась на стуле, похоже, окончательно превратив булку в смятый блин, и вдруг напомнила наострившую уши гончую. – Милочка, забудь про изумрудное платье! Только серебряное, которое ты сегодня демонстрировала! Оно добавляет глазам поволоки. Ну, и на спине

вышита эмблема дома мод.

Я с ужасом вспомнила, как втискивалась в блестящее серебряное уродство, в котором не то чтобы поднять руку или присесть – дышать было невозможно.

– Да! – хозяйка дома мод хлопнула себя по коленям. – Так и сделаем. Наденешь его! Собирайся и передавай мое почтение будущему мужу.

– Зачем? – насторожилась я.

– Чтобы заглядывал почаще, – хмыкнула Арлис и поднялась со стула, даже не заметив, что превратила мой обед в раскрошенное месиво (не то чтобы я собиралась есть булку, на которой кто-то поерзал пятой точкой).

И тут меня наконец осенило о причине несусветной – нет – невысказанной щедрости самой известной в Городе десяти островов скупердяйки. Соверен Гард! Арлис решила, будто меня ждет свидание со спесивым болваном!

Плавной походкой она направилась к дверям, но помедлила и оглянулась:

– Испортишь платье, вычту из жалования.

Удивительная женщина. Одной рукой дает, другой забирает.

Когда комната для примерок опустела, я начала готовиться к свиданию. Платье отказывалось сходиться. Не знаю, может облизанная булка уже давала о себе знать. Мика пыхтела и стоически преодолевала застежку на спинке наряда.

– Может, его куда-нибудь припрятать? – предложила я,

чувствуя, как ткань врезается подмышки. – Точно! Спрячу и скажу, что была в платье. Привела в восторг ресторацию и эмблему засветила...

– Ложись на диван! – категорично перебила меня белошвейка. Вид у боевой подруги был действительно весьма и весьма воинственный. Она искренне верила, что все, кто смеют нарушать приказы Арлис, обязательно попадают в ад. Оказаться в преисподней она не планировала, поэтому возжелала непременно упаковать меня в неудобный наряд.

Со скорбной миной я улеглась на живот, перестала дышать, шевелиться и вообще изобразила труп нимфы. Белошвейка ловко застегнула маленькие крючки.

– Вставай! – скомандовала она.

И это была настоящая проблема! Кое-как, не делая резких движений, я сползла с дивана, а потом осторожно выпрямилась. Узкий серебристый подол наряда скромно прикрыл колени, длинные рукава обтянули руки. Еще имелись прорези на плечах, но они меркли на фоне глубочайшего, как разлом на острове Саут, декольте, в котором мои женские прелести с легкостью разглядел бы даже слепой крот.

Некоторое время в единодушном молчании мы с Микой изучали отражение брюнетки с потрясающими глазами серебристого цвета, одетой в самое неприличное платье, какое видел Тегу да, и пожалуй, весь

Город десяти островов.

– Зато не страшно, если потечет тушь, – со вздохом резю-

мировала я. — Вряд ли он найдет силы поднять взгляд к лицу.

— Почему? — не поняла Мика.

— А зачем? Все самое интересное на виду, — с иронией фыркнула я и похлопала наивную девчонку по плечу. Всегда считала, что такие только на Анадари рождались, а, гляди-ка, на северном острове Клермон тоже случались конфузы.

Из дома мод я снова улизнула через главный ход. Боясь поднять голову, мелкой перебежкой (шагать широко не позволяло платье) добралась до мостовой и попыталась поймать кеб. Вечером, когда в конторах Тэгу заканчивался рабочий день, отыскать свободного извозчика было большой удачей. Хоть пешком иди. Я бы и пошла, но ресторация находилась возле площади Гард, пришлось бы проскакать на каблуках два бульвара и один каменный мост!

Несмотря на близившийся вечер, на улице было тепло. Сильный холодный ветер, почти неделю третиравший Тэгу, утих и больше не студил ласковое солнце, недоумевающее, отчего неблагодарные островитяне жалуются на холод. В Городе наступила настоящая весна, благодушная, согревающая ледяные воды каналов и уверенно пробуждающая жизненный ток в растениях. Хорошую погоду, наверное, стоило посчитать добрым знаком, но я стояла, как дура, в наглухо застегнутом длинном пальто, под которым медленно превращалась из свежей нимфы в нимфу тушеную.

Наконец мне повезло выловить, возможно, единственного свободного на весь квартал извозчика. Я ринулась в ка-

рету, но категоричный хруст платья напомнил, что оно резко против энергичных движений. В кеб пришлось карабкаться очень-очень медленно. Подозреваю, что извозчик принял меня за чокнутую. Наверное, поэтому потребовал оплату заранее.

Кеб остановился перед дорогой ресторацией с большими окнами и полосатым тентом. Я осторожно выбралась на пешеходную мостовую и, прежде чем войти в парадные двери, быстро обтерла о пальто влажные от волнения ладони. В фойе ко мне немедленно устремился распорядитель, худой нервный мужчина с тонкими усиками над подвижной верхней губой.

– Меня ждут, – немедленно отказалась я от помощи, боясь, что сразу не сумею узнать будущего мужа в лицо и выйдет конфуз.

– Ваше пальто, госпожа? – протянул он руки, готовый помочь мне с раздеванием.

– Нет! – вцепилась я в застегнутый до подбородка ворот, решительно отказываясь разоблачаться. Как представила лицо мужика при виде неземной красоты эксклюзивного платья от дома мод Арлис, так захотела сверху платочком замостаться.

– В зале душно, – осторожно предупредил он.

– Я нимфа! – с достоинством объявила я.

– Да, но...

– И мерзну! – отточенной походкой манекенщицы, чув-

ствуя, что подол проклятого платья под пальто упрямо задирается вверх, я направилась в полупустой обеденный зал.

И как назло одиноких молодых мужчин за большими круглыми столами обнаружилось целых три человека! Какой из них мой, сказать было сложно. Смирившись с унижением, я все-таки вытащила из глубокого кармана пальто черно-белый гравированный портрет Никласа Фолла и направилась к мужчине, сидящему ближе к проходу. Некачественные мутноватые карточки зачастую искажали черты лица, но сравнить, конечно, никто не запретит.

– Здравствуйте, – тихо поприветствовала я с аппетитом жующего незнакомца.

Он оторвался от созерцания тарелки и замер. Гладко выбритая щека была оттопырена едой. Не сводя глаз с моего лица, он шумно проглотил кусок.

– Простите, вы случайно не Никлас Фолл? – с милой улыбкой спросила я.

Мужчина отрицательно покачал головой.

– Извините, – пробормотала я и развернулась на каблук, высматривая следующую жертву. В смысле, претендента. Он преспокойно читал книгу, попивал кофе и не выглядел человеком, который ждет на свидание «свеженькую, как морковка» нимфу.

– Госпожа! – заставил меня повернуться первый.

– Да?

– Я он!

– Кто? – не поняла я.

– А кого вы там ищите, – нашелся мужик. – Меня зовут, конечно, Энти, но разве имя может помешать хорошей компании?

– Никлас Фолл мне должен триста злотых, – немедленно сочинила я. – Так что если вы его готовы заменить, то сильно облегчите мне жизнь. Сейчас охрану позову и...

Бедняга закашлялся, громко, мучительно, привлекая внимание окружающих. Пока он жадно пил воду, пытаясь протолкнуть застрявшую еду, я устремилась к третьему одиночному едоку. Он поднял голову, и лицо озарила широкая искренняя улыбка.

Вот он! Мой будущий муж! Благословите боги, сваху Салазар!

– Дорогой! – взвизгнули за спиной, и меня едва не снесла невысокая, но очень проворная девушка с фонтаном кудряшек на голове. Звонко стуча каблучками, она неслась к столу с одиноким красавчиком, а мне оставалось, глупо моргая, проводить ее сконфуженным взглядом. И если самый отборный мужик в этом зале тоже оказался не моим, то тогда кто?

И тут я заметила за столом возле окна господина преклонного возраста. Говоря преклонного, имеются в виду те года, когда мужчина способен выпрямиться во весь рост только в одном случае: если опирается на костыль. И внутри шевельнулось глухое беспокойство.

Я внимательно посмотрела на карточку пышущего здоровьем человека, по виду чуть старше тридцати, перевела взгляд на старца, чуть младше гробовых лет. На макушке блестящая лысина, плохо замаскированная тщательно напомаженными редкими прядями седых волос. Сам маленький и щедушный. Вид спесивый. Возле стула трость с крупным набалдашником. Такой, пожалуй, от хулиганов легко отобьешься.

Определенное сходство между престарелым господином и портретом имелось... как если бы карточку снимали лет пятьдесят назад, когда только-только появились магические гравираты и приходилось неподвижно сидеть по часу, чтобы получить приличное изображение.

Боги, я требую наказать сваху Салазар за обман по всей строгости божественных законов! Желаю ей одновременный приступ кашля и жесточайшего несварения. Пусть прочувствует аферистка, на какие мучения обрекла наивную нимфу!

Я собралась дать деру из ресторана, но старик меня заметил и призывно поднял похожую на куриную лапку руку.

– Господин Фолл? – с натянутой улыбкой уточнила я, подойдя к предполагаемому кандидату в мужа.

Он вытащил слуховую трубку и приставил к уху:

– А?

Орать посреди приличной ресторации, конечно, постеснялась, но наклониться пришлось.

– Никлас Фолл?

– Садись, дева, – величественно кивнул он. Очень вовремя, к слову. Если бы я не села на стул, то от разочарования бухнулась бы на пол. Наверняка бы порвала платье да еще заковырялась, пытаюсь подняться на высокие каблуки.

Пока я пристраивала пятую точку, господин вытянул из конверта мою карточку, видимо, переданную свахой, и через монокль начал сравнивать портрет с живым оригиналом.

– На карточке вы выглядите моложе, – проворчал он.

– Вы тоже, – немедленно согласилась я, но скромно промолчала, что «самую малость», лет этак на пятьдесят.

– Я же у вас первый? – вдруг спросил он.

– Простите? – В голову полезли разные гадости. Вернее, если бы передо мной сидел не седовласый высокомерный старик, а молодой симпатичный мужчина, каким его представила мадам Салазар, гадости я бы назвала милыми глупостями.

– А? – приложил господин Фолл слуховую трубку к уху.

– В каком смысле первый?

– Мужчина, муж, кормилец, хозяин.

На последнем я подавилась, пошарила взглядом по столу в поисках стакана с водой, но попить мне не предложили. Может, оно и к лучшему. Не хотелось бы захлебнуться и умереть на первом свидание вслепую с глухим стариком.

– Вы-то у меня уже будете пятая, – продолжил он.

– Вы в разводе? – уточнила я.

– Как вы могли такое предположить? – даже несколько оскорбился он. – Я вдовец.

– Пять раз?

– Ну знаете, женщины в наше время пошли очень слабенькие, – недовольно проворчал он. – Поэтому я решил завести нимфу. Говорят, они покрепче. Правда, что вы к ядам невосприимчивы?

– Да, – озадаченно согласилась я.

Что правда, то правда. Чтобы укокошить нимфу банального яда маловато. Магия лесного народа проявлялась в феноменальном умении выживать в любых условиях. Ну кроме холода. Нимфы такие нимфы, знаете ли. В холоде мы способны страдать только от него. Но даже полукровки были не восприимчивы почти ко всем известным отравам.

Подозреваю, если мне обсыпят булку крысиным ядом вместо сахарной пудры, я только вкусом удивлюсь (не то чтобы кто-нибудь пытался накормить меня крысиным ядом). Хотя, если постараться, избавиться можно от любого животного существа. Удалось же нам с Рутей отвоевать квартирку у тараканов!

– Вот и чудесненько. – На лице Фолла, покрытом пигментными пятнами, появилась улыбка, никак не отразившаяся в прозрачных глазах. – Вы кажетесь весьма здоровой. И собой недурны. Вы ведь здоровы?

«Как лошадь», – чуть не брякнула в ответ.

Но вопрос явно был риторическим, потенциальный муж

ответа не ждал и продолжил:

– Я как раз отремонтировал дом на острове Эльба. – Он пожевал блеклыми губами. – Думаю, вы отлично впишитесь в интерьер.

Перед мысленным взором немедленно возникла странная фантазия, будто стою я посреди богато обставленной гостиной, одетая в платье под цвет стеной ткани, и сливаюсь с обстановкой. Даже кровь заглодела, хотя в пальто было ужасно жарко.

– Как мило! Всю жизнь мечтала стать украшением чужого дома, – буркнула я.

Без слуховой трубки старик Фолл все равно не различил злой иронии и объявил:

– И о наследнике уже пора подумать.

«А он еще и в силах?!» – мысленно ужаснулась я, но вслух спросила, демонстрируя сдержанное любопытство (или насколько можно продемонстрировать сдержанность, громко озвучивая мысль в сторону слуховой трубки):

– У вас нет детей, поэтому вы не против приемного ребенка?

– Как же нет – есть, – кивнул он. – Шестеро сыновей. Год назад я их всех вычеркнул из завещания.

– За что? – меня разобрал смех.

– Да последнюю жену отравили, – чистосердечно признался он и обиженно крикнул: – Ироды! Хорошая жена была. Месяца не прожила. Мадам Салазар печалилась, что надо

новую искать.

Я икнула и испуганно прикрыла рот ладонью. И еще разок. Что за напасть? Не иначе как инстинкт самосохранения, заложенный в нимф с рождения, таким нетривиальным способом пытался намекнуть, что пора хватать под мышки туфли с каблуками, задирать узкий подол тесного платья и дергать подальше от семейства маньяков.

– Извините, мне надо в дамскую комнату, – с нарочито смущенной улыбкой произнесла я, немедленно решив, что глупо противиться природному чутью на опасность. Природа точно умнее меня!

– А? – приставил Фолл трубку к уху.

– Мне надо отойти, – повторила я погромче.

– По естественной нужде, что ли, занемоглось? – громко переспросил он, и подавальщик, проходивший возле нашего столика, чуть не выронил поднос.

– Нет! Припудрить носик, – на весь обеденный зал объявила я. – Здесь душно.

– Так расстегните пальто.

– Лучше припудрю носик, – немедленно поднялась я из-за стола, подхватила сумочку и, не выказывая поспешности, направилась к выходу из обеденного зала. Правда, ближе к дверному проему самообладание меня покинуло, и я поймала себя на том, что прибавила шагу. Из ресторации выскочила с такой проворностью, точно Никлас Фолл подгонял меня тростью с тяжелым набалдашником. Той самой, которой хо-

рошо отбиваться от хулиганов.

Свободный извозчик, поджидавший клиентов, стоял на противоположной стороне бульвара. Только я ринулась в его сторону, как, перекрыв проход, возле пешеходной мостовой остановилась шикарная карета. Лакей спустился с козел. Мы двигались одновременно: я попыталась обогнуть экипаж, а слуга раскрыл дверцу, украшенную помпезным гербом с изображением расправившего крылья орла.

– Лаэрли! – позвал знакомый низкий голос, принадлежавший Соверену Гарду.

– Только тебя еще не хватало... – пробормотала я.

На бульваре, как назло, происходило суматошное движение – запросто на другую сторону не перебежишь. Притворяясь тугоухой, как Никлас Фолл, я развернулась и с независимым видом красивой походкой начала огибать ресторан. Направление было выбрано исключительно неудачно, потому как пришлось промаршировать как раз напротив окна, возле которого в обеденной зале меня по-прежнему ожидал глава семейства маньяков-отравителей.

Когда брошенный «жених», пытавшийся о чем-то договориться с подавальщиком, увидел сбежавшую невесту по другую сторону стекла, то выронил из рук слуховую трубку. Честно говоря, неловкости я не испытывала. Все знают, что нимфы ужасно легкомысленные.

Оказавшись за поворотом, я наконец решилась оглянуться. Соверен Гард, одетый в дорогой костюм и с искри-

стой бриллиантовой булавкой на галстук, молча следовал за мной. Судя по смеющимся глазам, он от души потешался над побегом.

– Лаэрли, что ты делаешь? – только и спросил он.

– Действительно не догадываетесь? Избегаю вашего общества! – высокомерно ответила я и продолжила красиво вышагивать на высоких каблуках по мостовой... прямо к местной достопримечательности – длинной каменной лестнице из ста пятидесяти ступеней, взбиравшейся к площади Гард. Идиотка! Как вообще на нее вскарабкаться и не помереть где-нибудь на середине?

Неожиданно Соверен меня нагнал и зашагал рядом. Весь из себя расслабленный, с одной рукой в кармане отглаженных брюк, будто преодоление пыточной лестницы его совершенно не беспокоило.

– Зачем вы меня преследуете? – буркнула я.

– Не отвлекайся, Лаэрли, продолжай меня игнорировать, – с иронией протянул он. – Я просто решил прогуляться. Когда еще выпадет возможность. Погода чудесная, скажи?

– Как можно вас игнорировать, когда вы задаете вопросы? – взорвалась я. – Как вы оказались здесь? Следите за мной?

– Раз мы разговариваем, то позволь кое о чем спросить. – Он ловко ушел от ответа на неудобный вопрос.

– Разве вам нужно разрешение? – фыркнула я.

– Это свидание – твой ответ на мое предложение? – с очаровательной улыбкой, диссонирующей с ледяным взглядом, произнес он.

– Да! – зло бросила я.

– Предпочитаешь мужчин постарше?

– Предпочитаю мужчин, которые не пытаются затащить меня в постель сразу после знакомства, – огрызнулась я.

– Уверен, что он хочет, но не может, – с убийственной иронией парировал Соверен.

– Не примеряйте на всех собственную рубашку!

– Боюсь, моя рубашка ему не по карману.

– Боже, о чем с вами говорить? – Я резко остановилась и повернулась к магу всем корпусом. – Знаете кто вы?

Думала ответит: «владелец острова Тэгу» или «человек, который тебя хочет», тогда бы я гордо вскинула подбородок и уронила что-нибудь возвышенно-оскорбительное вроде «высокомерной сволочи». Но он со смешком спросил:

– Кто?

– Конь в пальто!

Справедливо говоря, в пальто была одета я, а он – в костюм, стоивший, пожалуй, дороже треклятого платья, которое сдавливало меня со всех сторон, как утяжка. Однако мелькнувшее изумление на аристократичной физиономии как-то неожиданно примирило меня с объективной реальностью.

Исполненная чувства собственного достоинства я презри-

тельно фыркнула и ступила на треклятую лестницу, убегавшую в раскрашенное нежными перистыми облачками небо. Сначала дело шло споро, ступенька за ступенькой, все выше и ближе к площади Гард, шумной и заполненной людьми. Вскоре ноги начали ныть, я растегнула две верхние пуговицы на пальто и помахала перед взмокшим лицом ладонью. В середине проклятувшего подъема захотелось не просто схватиться за перила, прорезающие лестницу по всей длине, а улечься на них сверху и... умереть от усталости. Но отойти на тот свет перед Совереном Гардом не позволяла гордость, до крайности обостренная в присутствии этого мужчины.

Судя по всему, подъем ему давался с легкостью завзятого атлета. Может, он вообще по утрам ради тренировки бегал вверх-вниз по этому «пути страданий», и никакие страдания к нему не прилипали? Знаете, пока другие дохли, просто поддерживал форму и чванливо упивался собственной выносливостью. А я полезла совершенно неподготовленная, в тесном платье и в туфлях на высоченных каблуках, что б у них эти самые каблуки отвалились!

– Лаэрли, завтра ты обязательно пожалеешь об этой прогулке, – раздался за плечом насмешливый комментарий Гарда.

Господи, даже не подозревала в нем подобную наивность. Завтра? Я уже до смерти жалела о том, что не повернула назад к ресторации, а решила нахрапом взять вершину. Даже его постель сейчас была предпочтительнее, чем эти дьяволь-

ские ступеньки!

– Если бы не вы, мне бы в голову не пришло забираться на эту лестницу девичьего позора, – пропыхтела я и, наплевав на гордость, открыто вцепилась в перила.

– Лестница девичьего позора? – фыркнул он.

– Не разговаривайте со мной, – буркнула я.

– Почему?

– Потому что я собою с ритма и задохнусь, страшный человек!

Наверху наконец появился просвет. Последний рывок – и лестница закончилась. Я торжественно ступила на выщербленную брусчатку площади Гард и грациозно... подвернула ногу. В лодыжке что-то нехорошо хрустнуло, каблук провалился. Серые пыльные камни стремительно приблизились к носу, и тут же, словно мало мне было острой боли, серебристое платье категорично треснуло где-то в районе левой ноги и перестало давить.

Все это произошло так быстро, что я даже выругаться не успела. К счастью, реакция у темного мага оказалась молниеносной. Он ловко подхватил меня под локоть, чем спас и от падения, и от попранного чувства собственного достоинства. Очень медленно, стараясь не опираться пяткой на сломанный каблук, я выпрямилась и осторожно высвободилась:

– Я в полном порядке.

Проклятье, я находилась в полнейшем беспорядке как внутри, так и снаружи! И мечтала провалиться от стыда под

землю, но жестокая площадь Гард что-то не торопилась раз-
верзнуться.

– Позвольте на вас опереться, – тихо попросила я и, схватившись за пиджак Гарда, сначала сняла испорченную туфлю, а потом ту, что стойчески перенесла знакомство с местной брусчаткой.

– Лаэрли, стесняюсь спросить, зачем ты разуваешься? – осторожно спросил Соверен.

Ледяные камни неприятно студили ступни. Лодыжка ныла, и эта неуместная, неприятная боль ужасно злила.

– Вы спрашиваете, зачем? – тихо повторила я... и сорвалась на единственного близстоящего мужика, из-за которого и погнала по проклятому пути «девичьего позора», чтобы в итоге оконфузиться: – За тем, что из-за вас я сломала каблук и потянула лодыжку! Знаете, что такое для манекенщицы остаться на неделю хромой? Путь к нищей старости! Если я закончу жизнь в холодном бараке на острове Рут, это будет на вашей совести!

Я потрясла туфлей перед физиономией Гарда. Вид у него, прямо сказать, сделался ошалелый. Уверена, еще никто не тыкал главе семьи основателей сломанными каблуками в нос. Просто не решались.

– На моей? – тихо переспросил он.

– Конечно! – воскликнула я. – Площадь Гард принадлежит вам?

– Отчасти, – осторожно согласился мужчина.

– Так вот в этой самой части, которая вам принадлежит, не брусчатка, а демон знает что! – указала я в камни. – Полный бардак! Лучше бы за порядком следили, господин Гард, а не склоняли нимф к внебрачным связям!

– Лаэрли, – в голосе Соверена прозвучало восхищение, – ты что же, меня отчитываешь?

– Как вы могли подумать, что обычная нимфа решится отчитать хозяина острова Тэгу? – фальшиво охнула в ответ. – Я просто высказываю свою гражданскую позицию! Между прочим, я плачу в городскую казну налоги не для того, чтобы ломать лодыжки посреди центральной площади...

В запале я переместила вес на травмированную ногу и, охнув, скривилась от резкой боли.

– Господи, женщина, какая же ты сложная!

В следующий момент он подхватил меня на руки и крепко прижал к груди. От изумления я заткнулась, стиснула туфли, если что готовая ими отбиваться, и затаила дыхание.

– Дыши, Лаэрли, – усмехнулся он и широкими шагами направился к знакомой карете с гербом Гардов на дверце. Вероятнее всего, кучер пригнал экипаж на площадь после того, как хозяин неожиданно надумал прогуляться.

– Зачем ты схватил меня на руки? – пролепетала на выдохе.

– Благородно спасаю налогоплательщицу от смерти в бараке, – отозвался он и вдруг добавил: – Мне нравится, как ты забываешь об официозе, когда начинаешь нервничать. Я

тебя волную?

– Больше всего меня волнует больная нога, а ты меня заставляешь беситься! – огрызнулась я, не поднимая головы.

От Соверена пахло упоительно вкусным благовонием с горьковатой цитрусовой ноткой, вызывавшим во мне пре-
странные желания. Хотелось уткнуться в мужскую шею и жадно втягивать в себя аромат до самой последней капли. Или, может, даже чуточку лизнуть. Злодей! Не мог облиться чем-нибудь вонючим, чтобы в носу свербело и на глаза наворачивались слезы?

– Лаэрли, если ты обнимешь меня, то я не стану воспринимать это как приглашение, – с иронией заметил он. – Совершенно точно не посреди людной площади.

– Тяжело нести? – зачем-то спросила я, покрепче стискивая туфли.

– Как считаешь? – фыркнул он. – Ты взрослая девушка и вешишь как взрослая девушка.

Пожалуй, это было самое неромантическое признание, которое я слышала от мужчины. Хуже только без приглашения вломиться в мой дом и с убийственной прямолинейностью предложить роль любовницы, без поклонов и демонстрации хоть какого-то уважения к девичьему достоинству. Без обхаживаний, в конце концов! Или ритуально-брачных плясок с бубнами...

– Поставь меня обратно, – как-то совершенно нелогично обиделась я на честность. – Я ногу подвернула, а не сломала.

– Не переживай, страдальца, до экипажа как-нибудь дотяну.

Более того донес с такой легкостью, словно пятью минутами раньше не поднимался следом за мной по длиннющей лестнице. Надо отдать должное лакею Гарда, он даже глазом не моргнул, когда хозяин приволок встрепанную, растерявшую лоск нимфу и осторожно усадил в карету.

Пока Соверен сдержанным голосом раздавал указания, я быстренько проверила стремительно опухающую лодыжку. Дело, похоже, было дрянь. Одним ледяным компрессом не обойдешься и придется вызвать светлого знахаря. Кто бы подумал, что поиск мужа обернется такими тратами: сваха, платье, новые туфли, а теперь еще и магическое лечение. А я только на первое свидание сходил!

– Тебе нужен лекарь, – вдруг прозвучал тихий голос Гарда.

Я резко вскинулась. Мужчина со странным выражением рассматривал мои ноги. Смутившись, я поспешно запахнула пальто.

– Позову, когда вернусь домой, – пробормотала я.

Он забрался в карету, лакей закрыл дверь, и мы тронулись в путь. Не говоря ни слова, Соверен расправил плед, прежде аккуратно сложенный в углу сиденья, и небрежным жестом накиннул мне на колени.

– Накройся, а то подхватишь простуду.

Спорить я не стала, послушно завернулась и с незави-

симым видом уставилась в окно. Экипаж обогнул высоченную каменную стелу, возведенную в прошлом веке в честь пяти семей-основателей Города, минул большую цветочную лавку, где работала Рута, завернул за угол и вкатил под арку во внутренний двор башни Гард. Следом наглухо закрылись деревянные ворота, отрезавшие экипаж от любопытных взглядов случайных прохожих и дежуривших под башней газетных писак. Поездка оказалась поразительно короткой, не больше десяти минут. Было проще напрямик пешком проковылять, чем в карете огибать площадь по дуге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.